

ISSN 0869—4788

НОЯБРЬ
ЮЗРА

11 93

Фото Леонида Березницкого.

ЮГРА
№ 11 (25), ноябрь 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

Индекс 78716

Редактор
В.К.Белобородов

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при Мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера
в местном отделении связи.

Сдано в набор 5.10.93 г.
Подписано к печати 20.10.93 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,8. Уч.изд.л.4,4.
Тираж 2000 экз.
Цена 24 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.
Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал.
Учредитель — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа.

В номере:

К гармонии с природой	2
В.Мельников. Осознать суть созидания	3
Т.Молданова. В верховьях «Божественной реки»	6
Ю.Вэлла. Стихотворение	11
А.Тарасов, Г.Гребенюк. Вернуть славу кедрового края	12
В.Смирнова. Кремнисто- опаловое сырье	15
Д.Шлябин. Остров Смольный	17
Н.Калымов. Старая вогульская ловушка	19
Экономика. Ресурсы. Экология	21
Слайд-фильмы Юрия Трифонова	23
Клуб «Тюменская старина»	26
Ю.Белоножко. Тобольские члены и сотрудники ВЭО	
Б.Городков. Река Конда	31
А.Иваненко. Агроном Севера А.А.Дунин-Горкавич	34
Е.Дорогостайская. Аборигены	40
Н.Патрикеев. Юбилейный сборник	43
В.Плесовских. Земля в наследство	45
Сделайте сами	53
В.Назаров. Краски ноября. Догоняя солнце	55
В.Плотников. На фоне больших кораблей	58
Ю.Гордеев. Кряква	62

К гармонии с природой

«В центре внимания непрерывного развития находятся люди. Они имеют право на здоровую плодотворную жизнь в гармонии с природой». Таков принцип №1, провозглашенный конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне

1992 г. в Рио-де-Жанейро, в ее итоговом документе. Конференция поставила во главу угла проблему осознания необходимости глобальной стратегии улучшения качества жизни и благосостояния человечества посредством создания условий и реализации устойчивого, соотносимого с далеко не безграничными возможностями окружающей среды, промышленного развития.

Понимая огромную актуальность этой проблемы для нашего края, Нижневартовский комитет охраны окружающей среды и природных ресурсов и Институт природопользования при содействии Тюменского областного и Ханты-Мансийского окружных комитетов решили провести 23 — 26 ноября в г. Нижневартовске научно-практическую конференцию «Пути и средства достижения сбалансированного эколого-экономического развития в нефтяных регионах Западной Сибири».

Участникам нижневартовской конференции предоставляется возможность ознакомиться с эколого-экономическим состоянием района и его социально-этническими проблемами, условиями развития нефтяного производства, структурой и возможностями экологической службы, зарубежным опытом выхода из экологического кризиса, новейшими достижениями в информационных технологиях прогнозирования, планирования и управления развитием территорий.

Предполагается обсудить на конференции концепции сбалансированного развития нефтегазовых районов Севера, пути и средства их осуществления, механизмы регулирования и управления производством, вопросы экологии города и человека и в итоге определить первоочередные меры по оздоровлению экологической ситуации в районе.

В этом номере редакция публикует ряд материалов, затрагивающих с разных сторон экологическую проблематику. Надеемся, что они представят интерес для участников конференции, которым мы желаем плодотворной работы.

Осознать суть созидания

**В.Мельников, член-корреспондент
Российской Академии Наук**

С примерами бережного отношения к природе нас изредка знакомит массовая информация как из ряда вон выходящим явлением в обществе. Правило в обратном. Плакаты на дорогах и стенах домов: «Берегите природу...», «Лес — наше богатство» и им подобные робкие попытки напомнить хорошо известное каждому откладываются в нашем сознании на одном уровне с «информативными ценностями» типа «Человек — это звучит гордо!» или (в недавнем прошлом) — «Партия и народ едины». Тот факт, что в грядущие 50 лет прогнозируется потеря от четверти до половины биологического разнообразия планеты, формировавшегося сотни миллионов лет, — яркое свидетельство «осознанности» звонких призывов к защите природы, инвариантное к социально-экономическим формациям и общественно-политическим системам. Он навевает жуткую мысль о заданности приближения к концу света! И тот, кто в постулатах должен звучать гордо, на деле является проводником сатанинской идеи.

Из века в век человек извлекает из недр Земли богатства и накопленную энергию и направляет на уничтожение привычной для всего живого среды обитания. Казалось бы, в этом он лишь слабо подражает природе, которая поддерживает эволюцию биосферы далеко не «гуманными» мерами. Об осознанности сути созидания можно судить, прослеживая субъектно-объектные (кто? — что?), пространственно-временные (где? — когда?) и количественно-качественные (сколько?—как?) соотношения в зависимости устойчивости географической оболочки (что?) к дестабилизирующему воздействию человека (кто?) и активных факторов природы (кто?). В наших рассуждениях не избежать, конечно, постулирования разумности природы и неразумности человека, иначе не будет точки опоры. Формализуя это, примем, что мера разумности отражается в устойчивости ландшафта (включая экосистемы), сложившейся в процессе эволюции Земли за миллиарды лет.

Факторов и ситуаций слишком много, а наши знания весьма ограничены, чтобы дать однозначный всесторонне аргументированный ответ, но общую закономерность можно подметить. За счет эволюции геосфер и «разумного» их взаимодействия природе удалось не выйти за рамки принципа Ле Шателье-Брауна: максимально ослабить воздействие наиболее интенсивных и часто повторяющихся активных факторов, характеризующихся определенной цикличностью и пространственной приуроченностью (суточные, годовые и более длительные циклы тепло-и влагооборотов, приливно-отливные волны и т.п. (А так как эти факторы несут в себе несоизмеримо большую часть энергетического баланса природы, то осуществляется ее устойчивость (разумность).

В отличие от природы человечество старается избежать цикличности и узкой пространственной локализации в своем развитии (борьба с эпидемиями и неуклонное стремление к прогрессу и удовлетворению все расширяющихся потребностей;

великое переселение народов и великие географические открытия; научно-техническая и информационная революция и т.п.), а это исключает возможность поправить непреднамеренные нарушения устойчивости и предопределяет существование человечества лишь как элемент одного весьма непродолжительного (в масштабах природы) цикла, возможно, весьма радикального в развитии мира.

Отвечая на вопросы: сколько? как?, — следует отметить, что природа «играет» по следующим правилам:

— чрезвычайная иерархичность структур по размерам и сложности (от элементарных частиц до Солнечной системы — применительно к земной природе);

— чрезвычайное многообразие форм проявления (различное на разных уровнях иерархии: немногим более 100 элементов и не более того геосфер и порядка 5 миллионов разновидностей биологических организмов и 10 биоценозов);

— структурная и пространственная дискретность, обеспечивающая осуществление предыдущих правил;

— цикличность поведения и развития, обеспечивающая устойчивость форм. Эти правила позволяют природе сохранять разумность при чрезвычайном разнообразии качеств проявления и широком диапазоне количественных изменений. Для человека природа сильно ограничила диапазон применения этих правил, поэтому он инстинктивно стремится к монолитности и выделению главных, решающих направлений и факторов своего поступательного (по мере возможности) движения (куда?). Поэтому человечество, нуждающееся все в больших масштабах в энергетических ресурсах, осуществляет тотальный поиск их по всей планете со всей мощью технического разума и в местах открытий наносит природе смертельный удар, называемый освоением. При этом сценарий освоения (как правило, завораживающий) режиссура и игра realizаторов делают неузнаваемым для авторов.

Чтобы осознать альтернативы в развитии человечества (суть созидания), необходимо представить его возможности. Будучи единственным известным нам биологическим видом, способным к осознанию, человек, нарушая общие традиции природы, достиг следующего:

— развил аппарат осознания (вторую сигнальную систему), подкрепив его своими техническими средствами, что позволило разум отдельного человека интегрировать в коллективный разум человечества;

— целенаправленно (но не всегда осознанно) создал сложную структуру материальных и идеальных ценностей, определивших его потребности и иерархию институтов, обеспечивающих их удовлетворение;

— разработал способы и создал средства воздействия на окружающую среду, позволившие сознательно использовать не только возобновимые, но и невозобновимые ресурсы для удовлетворения своих потребностей.

Мы создали больше, чем нужно для выживания человечества. В конечном счете, это все выразилось в создании новой геосферы — антропосферы, подчиняющейся своим законам (слабо согласованным с общими законами Природы, в чем источник ее быстрого развития по пути к своей гибели) и «успешно» конкурирующей с другими геосферами.

В настоящее время альтернатива, на наш взгляд, в следующем:

— либо антропосфера продолжает развиваться по своим законам, тесня другие геосферы, а мы прилагаем усилия, преобразуя окружающую человека среду, к удовлетворению все возрастающих потребностей человечества;

— либо мы направляем свои усилия на познание законов природы, осознание гармоничности с ними наших ценностей и пытаемся, используя достижения научно-технического прогресса и информационной революции, направить работу разума человечества к согласию с разумом природы, тем самым антропосфера будет преобразована в новую геоструктуру — ноосферу, в которой ограниченность материального многообразия должна восполняться многообразием духовным.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: человек не в силах остановить эволюцию природы, не в силах не менять ее в процессе жизнедеятельности, но в состоянии смертельно для себя изменить ее. Человек это понял, поэтому обеспокоенные сложившейся ситуацией представители человечества сформировали к глобальному форуму, прошедшему в июне 1992 года, следующие установки:

— экономическое развитие в отрыве от экологии ведет к превращению Земли в пустыню;

— экология без экономического развития закрепляет нищету и несправедливость;

— равенство без экономического развития — это нищета для всех;

— экология без права на действия становится частью систем порабощения;

— право на действия без экологии открывает путь к коллективному и равно касающемуся всех самоуничтожению.

Рок человечества в том, что главным судьей его осознания является сама природа, понимающая (пока наш разум не согласован с ней) лишь материальный «язык». Судить о нашем осознании она будет не по словам, а по делам. Особенно остро проблема осознания сути созидания стоит перед народами России и, в частности, перед освоителями ресурсов, обеспечивающих материальное развитие страны. Для осознания применительно к конкретным условиям в Нижневартовске создается Институт природопользования, а для формализации проблем, решаемых в процессе осознания, проводится конференция, которой посвящен этот выпуск.

Автор видит эти проблемы в следующем:

1. Осознание ресурсных территорий как регионов постоянного обитания, являющихся потенциалом жизнеобеспечения грядущего России.

2. Осознание того, что невозполнимые ресурсы, являющиеся главным богатством этих территорий, — явление временное, обеспечивающее источник финансирования производственной и социальной инфраструктур, повышающих жизнеобеспечивающий потенциал регионов.

3. Подготовка материальных и ценностных основ нового качества этих территорий.

В верховьях «Божественной реки».

Татьяна Молданова

Река Тромъеган переводится с хантыйского языка как «Небесная (Божественная) река», аналогично звучит на ненецком языке озеро Нумто, расположенное от ее верховьев, — «Небесное (Божественное) озеро».

Водораздел, находящийся в верховьях реки Тромъеган, — уникальнейшее место на территории Ханты-Мансийского автономного округа, да и всей Тюменской области. Здесь рождаются практически все реки правобережья Оби: Надым, Пур, Таз, Вах, Аган, Тромъеган, Пим, Назым, Казым со своими многочисленными притоками (рис. 1). Затем одни из них держат свой путь на север, другие на юг, а река Казым с притоками направляется на запад.

Верховья рек — это таинство рождения жизни: здесь нерестятся рыбы, гнездятся перелетные птицы, зарождаются реки — кровеносная система Земли-матери.

В «божественные места» верховьев рек не ступала без надобности нога человека, эти территории испокон веков были важнейшими священными местами двух народов: хантов и лесных ненцев. Здесь расположено и по сегодняшний день функционирует место поклонения верховному Нуми Торуму.

«Божественная, заповедная» земля была вольготным местом для живых существ. Вот как, к примеру, описывает места возле оз. Нумто украинский этнограф, писатель В.С. Денисенко (см. о нем в журнале «Югра» № 4, 1993) в тридцатые — сороковые годы: «Над тундрой, над озерами, над болотами — везде птицы. Большими стаями садятся на озера, плавают, ныряют, перекликаются разноголосыми криками. На воде перемешались стайки гоголей, чирков, шилохвостов. Пролетают и садятся на открытые места гуси, белые и редкие пары черных лебедей. Все эти бесчисленные стаи устремляются на север. Миллиарды птиц остаются на весну и лето в этих широтах, миллиарды летят дальше — в Заполярье, в Арктику» (На далекий пивночи, с. 112).

Нам, родившимся в 50-е годы, еще довелось наблюдать обилие жизни. Ныне ситуация изменилась. На живую землю пришли люди, сидящие в кабинетах, у них на стенах висят карты, где не рисуются тонюсенькие голубые жилки болотных речушек, не рисуются озера, реки, стойбища, не рисуется жизнь, а нашлепываются на белую бумагу черные дыры нефтяных месторождений. И кажется, что находятся эти люди в плену какой-то страшной дьявольской силы, которая заставляет их организовывать себя и других людей на методичное выполнение некой программы убиения жизни — вся земля, которая предварительно окрашивается черным цветом, на карте со временем становится черной и мертвой.

Люди черного дьявола оттеснили хозяев на последние заболоченные земли верховьев рек. Натиск продолжается. Куда уходить?

Путь нашей экспедиции лежал в верховья р. Тромъеган и его притока Сукуръяуна, на один из сохранившихся клочков земли, но и в его недрах обнаружены богатейшие залежи нефти, которые входят в группу так называемого Тяновского месторождения, вокруг которого не утихает накал страстей.

Экспедиция планировалась по программе, предложенной Альянсом Б.П. /Статойл из США: «Земли Югры: экологический и технологический аспекты по Тяновскому месторождению,» в задачи которой входило:

1). Провести предварительное экологическое исследование с целью определения наиболее уязвимых районов при разработке и добыче нефти.

2). Рассмотреть технологические процессы по охране окружающей среды, используемые на Аляске, применительно к их использованию на Тяновском месторождении.

3). Для местных и региональных плановых органов подготовить список мероприятий по охране окружающей среды, которые должны быть учтены при каком бы то ни было продолжении по нефтеразработке на будущее.

До выезда на место состоялись рабочие встречи участников поездки. В составе экспедиции намечались авторы предлагаемой программы, представители природоохранных обществ из Тюмени, Ханты-Мансийска, Сургута и работники организаций и учреждений самих аборигенных народов: ассоциации «Спасение Югры», отдела по развитию экономики и культуры народов Севера администрации округа, института возрождения обско-угорских народов, Центра национальной культуры. Ко времени выезда у многих планируемых участников нашлись неотложные дела, и группа оказалась состоящей только из представителей коренной национальности.

Всего нас оказалось семь человек, и мы, разделившись на две подгруппы, посетили 14 семей хантов. На рис. 1 территория их проживания отмечена заштрихованным четырехугольником. На рис. 2 мною дана та же территория в увеличенном виде, точками показаны стойбища, линии и кружки — речушки и озера, жирная линия — дорога Турынка — Н.Сортым.

Нашей задачей являлся сбор максимально полной информации о сегодняшней жизни стойбищ в форме видеоматериалов, магнитофонных записей, фотоматериалов, чтобы на основании этих данных в дальнейшем делать определенные выводы, давать рекомендации этноберегающего характера при попытках дальнейшего промышленного освоения территорий. Кроме меня, в состав нашей подгруппы входили президент ассоциации «Спасение Югры» Т.С. Гоголева, зам. главы администрации Русскинского сельского Совета по проблемам коренных народов И.А. Сопочин, научный сотрудник Белоярского фольклорного архива Т.А. Молданов. Вторая подгруппа состояла из директора института возрождения обско-угорских народов (ИВОУН) Е.А. Немысовой, главного специалиста по закреплению родовых угодий окружного комитета народов Севера С.В. Хромова и старшего научного сотрудника ИВОУН Песиковой-Сопочиной А.С.

Ну, а теперь еще раз посмотрим на точки-стойбища (рис. 2) и как бы войдем в них, приблизим их к себе. Приблизить нечто — это значит освоить, познать его. А познание другого — это, как правило, понимание, сопереживание ему.

Итак, первое место нашей посадки — стойбище Покачева Леонида Павловича, расположенное на озере с названием «Озеро, где растут кедры». Хозяин стойбища — спокойный обстоятельный человек, в прошлом году срубил на этом месте новую просторную летнюю избушку, за которую жена Вера Антоновна ему безмерно благодарна. Детей у Покачевых восемь, пятеро в настоящее время живут с родителями. Трое дочерей уже замужем. Леонид Павлович не знает русского языка. Полной противоположностью ему является быстрая, энергичная Вера Антоновна, которая постоянно слушает радиопередачи и имеет обо всем свое собственное мнение. Оленей в семье около 30, но и тех, по словам Леонида Павловича, уже трудно кормить, т.к. территория родового угодья мала и нет возможности смены пастбищ. Всего в трех километрах отсюда живет Тэвлин Анатолий, а у него около 50 оленей.

Зимой семья кочует в пределах родового угодья, живет в чуме. «Не ставим избушку, т.к. нефтяники нас могут выгнать», — говорит Вера Антоновна, которая вообще настроена воинственно против тех, кто разрушает уклад ее жизни.

Из соседних стойбищ на звук нашего вертолета начинают приходиться гости. Первыми пришли Юра и Виталий Сопочины. Юре — 12 лет, Виталию — 18. Их отец Алексей Тихонович живет в двух часах ходьбы, на вершине Сукуръяуна. Сопочины здесь девятый год, до этого жили около 101-й подбазы. «Там все уничтожили, — скажет нам при встрече Алексей Тихонович, — поэтому пришлось уйти.» Всех своих пришедших соседей по родовой общине Вера Антоновна называет «беженцами». На вершине Сукуръяуна все «беженцы», кроме Покачевых.

После обеда все члены экспедиции, кроме меня, забрав с собой почти всех детей, отправились в гости к Тэвлину Анатолию Ивановичу, который, по мнению своих соседей, живет ближе всего к «опасной зоне». т.е. всего в 2 км. от шоссейной дороги Турынка — Н. Сортым, поэтому он и дом себе не строит, зимой и летом живет в чуме из брезента. При сборе информации мы выяснили у людей, что им мешает жить, какие у них жалобы. У Анатолия Ивановича к «традиционным» жалобам на нехватку ягеля, отсутствие боровой дичи ввиду отсутствия самих боров добавляется «техногенный» пласт жалоб: «идет строительство дороги без землеотвода», «предлагали земли отдать под земснаряд, но соседи поддержали и все выступили против». Тэвлин, как и все соседи Покачевых, «беженец», он бежал с р. Кирилл — высь, где у него дорожники сожгли дом. Жена Анатолия Ивановича Анна Ивановна знает много сказок, которые рассказывает своим четырем внукам. Ее сын Короп Олег Прокопьевич живет ниже по реке Сукуръяун.

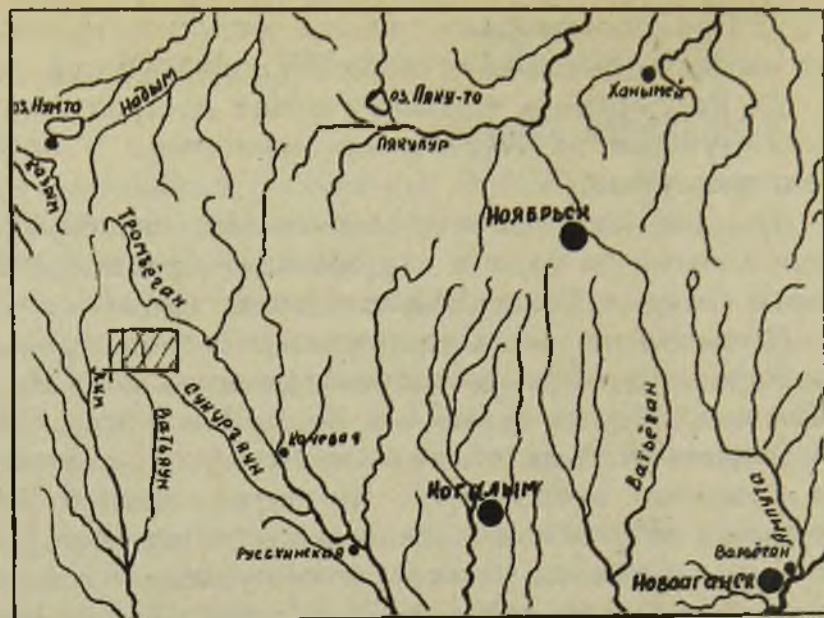

Рис. 1

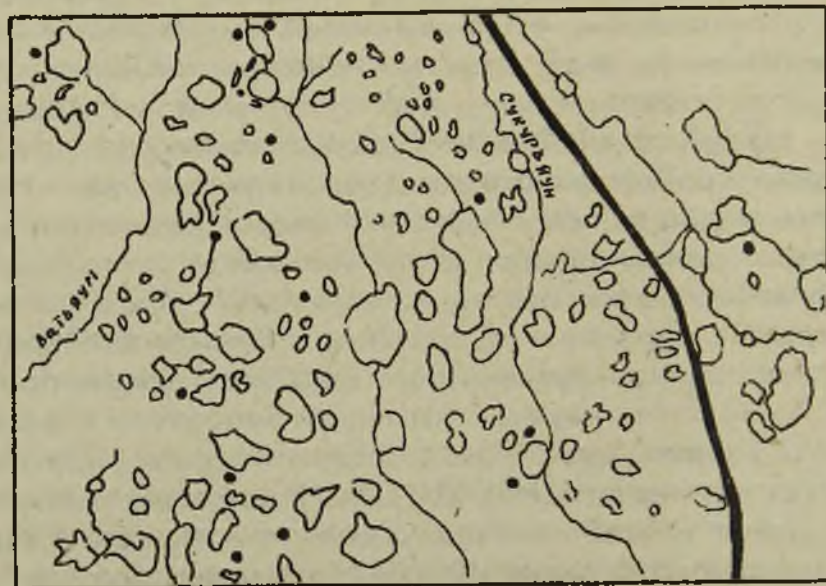

Рис. 2

Вечером к Покачевым пришел еще один гость — Тэвлин Никита, сосед с севера, проживает километрах в десяти от Леонида Павловича.

Пока члены нашей экспедиции гостили у Анатолия Ивановича, мы с Верой Антоновной записывали сказки. По их возвращении Леонид Павлович, на радость всем детям и гостям, спел три песни и рассказал несколько сказок. Рассказывает он очень эмоционально, язык красивый, образный. Вечером было много шуток, сказок, игр.

На следующий день наша подгруппа залетела к отцу Юры и Виталия, ребята, естественно, полетели с нами в стойбище Сопочина Алексея Тихоновича, расположенное в лесотундре. Зимой и летом семья живет в чуме, а осенью в избушке. Кроме жены Екатерины Николаевны, у них живет бабушка Мария Васильевна, бывшая Захарова, она с реки Казым, дочь самого богатого человека «Сорум Васьки», которого, как и всех казымских мужчин, уничтожили в тридцатые годы. Алексей Тихонович категорически против строительства дороги, т.к. один раз уже был согнан с обжитого места, и считает, что «соседство с приезжими ничего хорошего не дает», даже теперь, когда они далеко, при забое оленей постоянно под шкурой обнаруживаются дробинки.

Три семьи проживают на стойбище Мултанова Петра Дмитриевича: кроме него, — Сопочин Александр Иванович с семьей, Мултанов Альберт и его сын с женой и дочерью. Все семьи между собой родственники. Зимой и летом живут вместе, а осенью, в сезон охоты, разъезжаются. Летом живут в чумах. Стойбище расположено между двумя озерами, место крайне сырое, без резиновых сапог ходить невозможно. Возле другого озера в 1,5 часах ходьбы на маленькой гривке строят новую избушку. Весь путь, который мы преодолели с трудом, проходит по болотам. Грустный факт: на всем пути следования нам не встретилось ни одной утки. Об этом же говорили и те, кто от Покачевых ходил к Тэвлину.

У Мултановых и Сопочина около 200 оленей. Проблемы те же: «не хватает ягеля», «нет рыбы, боровой дичи, боров», «ондатра есть, но мордушки постоянно проверяют нефтяники». Альберт в сезон добывает до 400 белок, но для этого ему приходится уезжать на Тромъеган и даже в верховья Казыма, где, конечно же, есть свои охотники, из-за этого случаются конфликты. «Там белок много, как у нас раньше», — говорит Альберт. Живут Мултановы и Сопочин на этом месте около трех лет, т.е. тоже «беженцы».

Стойбище Покачева Гаврила Степановича расположено на берегу красивого озера, но опять-таки со всех сторон болота. Гаврилу 26 лет. Кроме жены Кати, с ними живет его «дядя», сирота — сын деда Алеша, которому 20 лет.

Гаврил и Алеша — удивительно трудолюбивые ребята и искусные мастера, они сами куют ножи, сверла, тесла для долбления лодок-колданок, которые, конечно же, сами изготавливают. Прекрасная осенняя избушка, в которой мы пили чай, построена в прошлом году. Летняя сделана в этом году из досок. У Гаврила есть хантыйская скрипка — нын юх, на которой он нам сыграл три мелодии. Озеро, оказывается, не только красивое, но и рыбное, да только вот «из-за выкачивания нефти земля на больших площадях стала оседать, и это даже очень далеко от разработок, ягель уходит под мох и полностью сгнивает», «из-за водозабора ниже Русскинских здесь, на вершине, нет воды и рыбе плохо нереститься». Нет ягеля для оленей, которых у них

около 40, вот и приходится Покачевым зимой уходить с рыбного озе́ра в поисках корма для оленей. Да еще для них «нефтяники опасные, в прошлом году рыбу к сдаче подготовил, подсел вертолет и все вывез».

Мултанов Афанасий Сергеевич, как и все нынешние Мултановы, выходец из Казыма. Его отец — один из немногих, кто во время так называемого «казымского восстания» спас себя и свою семью. Поэтому, наверное, Афанасий Сергеевич — человек, полный внутренней силы и достоинства, очень хорошо относится к советской власти и на жизнь обиды не держит. «Плохо живем, это оттого, что плохо работаем. У нас вот план был, а у детей нет». «В стороне Ими юхана жил, нефтяники все сожгли, с нефтью смешали, так ведь у них план». «Раньше говорили: уходите отсюда, это земля государственная, а теперь вот угодыа дали».

У Афанасия Сергеевича два сына. Олег с семьей новую избушку строить уехал, а Виктор с женой Риммой и тремя детьми помогает дымокур для шестидесяти оленей разводить. Живут Мултановы в бору, длина которого около 5 км. Это один из немногих боров, который еще не сгорел, на котором не стоит вышка. «Раньше в этом бору не жили люди, а только охотиться приезжали, поэтому, наверное, и глухарей было много», — рассказывает Афанасий Сергеевич. До прихода нефтяников до 40 глухарей добывали, но вот уже четыре года как из-за буровых не стало боровой дичи. «Да и где им жить, вон даже на Сукуръяуне снег черный от буровых. Дым от факелов, машины...» — продолжает Афанасий Сергеевич. — «Сейчас нет больше земель, все буровыми заставлено, все разбурили в сторону Надыма до Нумто и дальше. За 2 км. отсюда буровая, за 6 км. база дорожников, оттуда собаки ходят, за 7 км. на 101 подбазе тоже много собак. Весной даже утки не прилетели, не гнездились. Раньше трясогузок словно муравьев было, теперь ничего». «Мое слово — жизнь плохая,» — вторит ему пришедший в гости сосед Покачев Сергей Павлович. Собаки, которые бродят по тайге и тундре, — бич для жителей стойбищ. Эти умные одичалые и неодичалые животные уничтожают оленей, разоряют гнезда птиц.

Афанасий Сергеевич с сыновьями и Сергей Павлович не имеют ни «Буранов», ни моторов, ни бензопилы, до сегодняшнего дня они ездят на оленях и берегут их. Они, как и другие жители стойбищ, считают свой образ жизни самым надежным и самым лучшим. Для себя и своих детей они выбирают традиционный образ жизни. Для оленей нужны пастбища, нужна земля. И нефтяникам нужна земля. Из собственного опыта знают люди, что не ужиться рядом хантыйскому человеку и нефтянику. Еще не начиналось освоение, а земля уже наполовину опустошенная. Куда отступать? На юге и востоке выжженная земля, на севере между Пяжу-Пуром и Надымом начинается промышленное освоение нефти, на западе казымские ханты и ненцы, теснимые тромъеганцами, начинают проявлять недовольство. Как быть? Нет компромисса. Разрабатывать Тяновское месторождение на сегодняшний день означает только одно — уничтожить тех людей, которые проживают на этих землях. И этот шаг будет сделан совершенно осознанно.

Рис. 1. Водораздел рек на увале Нумто.

(Заштрихованный прямоугольник — место расположения стойбищ).

Рис. 2. Стойбища в верховьях Тромъегана.

Юрий Вэлла Моя боль

«... за последние три года я сменил несколько пастбищ. Нынешним летом двенадцать оленей пропали без вести. Куда бы я ни пригнал стадо, всюду много буровых, брошенных собак и всякой техники. С каждым годом оленеводческая жизнь становится труднее...».

(Из письма моего деда)

В полдень
Олененок малый
Над ручьем склонился.
Он просил:
«Мне жарко, мама,
Я хочу напиться».
Погоди,
Не пей, сынок,
Потерпи немножко.
Пахнет нефтью ручеек,
Отравиться можно.
Вот уйдем подальше в тундру,
Там вода живая,
Там смеются птицы
Утру,
Песни напевая.
Там пушистый белый ягель
Украшает кочки.

Там румяных спелых ягод
Столько,
Сколько хочешь.
Там другие олени
Весело играют,
На бору грибы-маслята
Силы набирают...»
Но куда б они не шли,
Всюду буровые,
На озерах черной смолью
Пятна нефтяные.
Фары целят в ночь
Двустволкой,
Ягель пахнет едкой гарью,
А по тундре псы гуляют
Без хозяев,
Словно волки.

Вернуть славу кедрового края

А.М.Тарасов, зав. отделом информации,
Нижевартовский комитет по экологии;
Г.И.Гребенюк, зав. кабинетом естествознания,
Нижевартовский педагогический институт.

Сосну сибирскую первопроходцы Сибири называли кедром за его особую статью, долголетие, внушительные размеры и ароматную древесину. Кедр — величественное дерево — исполин, при виде которого «шапка сама валится с башки от почтения», — писал Леонид Леонов.

Живет кедр 400 — 600 лет и достигает высоты 35 м., диаметра на высоте груди до 120 — 150 см., в условиях северной тайги соответственно — 20 м. и 60 — 70 см. Кора у кедра тонкая, трещиновидная, крона посажена низко, поэтому он очень чувствителен к пожарам, погибает даже при слабом низовом пожаре и долго потом не возобновляется.

Плодоносит кедр в насаждении не раньше 50 лет, на открытом месте — 25 лет. В конце весны во время пыления кедр выглядит очень нарядным — малинового цвета мужские колоски хорошо выделяются на фоне хвои в средней и нижней части кроны. А сверху женские шишки овальной формы фиолетового цвета также выглядят довольно эффектно. Они собраны по 2 — 7 штук у верхушечной почки. В насаждениях иногда встречаются деревья только с мужскими колосками. Опыление происходит при помощи ветра.

Созревание кедровых шишек и семян (до 100 семян в шишке) находится в зависимости от погодных условий — от поздних весенних заморозков и особенно от летних атмосферных засух. Повторяемость обильных урожаев в северной части лесной зоны — через 8 — 10 лет. Максимальный урожай кедровых орешков в продуктивных припоселковых лесах достигает 3000 кг. на гектар, минимальный — 50 — 60 кг. на гектар.

Кедровники — это кладовая сибирской тайги, главное богатство которой — семена кедра, обладающие высокими пищевыми, диетическими и целебными свойствами. Продукты, получаемые из кедровых орехов, превосходят продукты животного происхождения по усваиваемости, вкусовым качествам, калорийности и благотворному влиянию на организм человека.

Орехи содержат 60 — 70% прекрасного золотисто-желтого масла, имеющего пищевое и техническое значение, до 20% белка (по аминокислотному составу аналогичен яичному), до 12% углеводов, комплекс витаминов, богатый набор макро- и микроэлементов. Кедровое масло не уступает по качеству прославленному оливковому.

Кедровые орехи целебны — помогают при гипертонии и атеросклерозе. А народная медицина рекомендует использовать не только ядра, но и скорлупу семян, молодые верхушки побегов, почки, хвою, живицу... Хвоя кедра — отличное целебное средство от цинги, живица — от ран, древесина — сырье для изготовления мебели, карандашей, кора — для теплоизоляционных плит, коричневой краски. Стерильный воздух кедровых лесов всегда

оберегал сибиряка и его скот от повальных моровых болезней. В посуде из кедровой древесины не скисает молоко, а в сундуках не заводится моль.

Благодаря обилию кормовых ресурсов плотность заселения кедровых лесов промысловым пушным зверем (соболем, куницей, белкой) значительно выше, чем в других лесах тайги. Кедровые леса выполняют большую водорегулирующую, водоохранную и почвозащитную роль, положительно влияют на водный режим рек, предотвращают водную эрозию склонов.

Сегодня кедровые леса в Тюменской области занимают более 9 млн. гектаров лесопокрытой площади, более половины их — 4,8 млн. гектаров относится к подзоне северной тайги. За последние десятилетия в связи с ростом интенсивности освоения природных ресурсов создались предпосылки к сокращению кедровых лесов, а в легкодоступных для освоения районах появилась реальная угроза их полного уничтожения.

Для раскрытия причин создавшейся проблемы обратимся к истории. В старину в Сибири и на Урале крестьяне выращивали возле поселков кедровые рощи — сады, которые назывались припоселковыми. Люди заметили, что свободно растущие деревья кедровых рощ дают гораздо больше шишек, чем густые заросли. Поэтому стали производить уход за деревьями с целью формирования пропорциональной большой кроны, чтобы получить высокоурожайные кедровые рощи. Впервые такой уход, судя по возрасту сохранившихся припоселковых боров, производился 150 — 200 лет назад. Уход заключался в вырубке второстепенных пород, а также усыхающих и поврежденных экземпляров кедров. Часто припоселковые сады создавались редкой посадкой дичками, заготовленными в лесу.

В Тюменской области и сейчас существуют припоселковые кедровники, радуя своей величавостью, — это Шевелевский бор в Вагайском районе, кедровники у поселков Востехой, Локосово, Полноват и другие. Припоселковые кедровники дают урожай в 5 — 6 раз выше, чем густые, оставленные без ухода насаждения.

В конце прошлого века Тобольский Север вместе со Средним Уралом давали до 50 тыс. центнеров ореха, из них более половины вывозилось в европейскую Россию. В 30-е годы нашего столетия только Среднее Приобье давало до 10 тыс. ц. ореха в год, в настоящее время — не более 0,5 тыс. ц. Этого недостаточно даже для удовлетворения потребностей местного населения.

В чем же причина этого неблагополучия? Прежде всего в интенсивной промышленной вырубке кедровников в 60 — 80-е годы на больших площадях (более 1 тыс. га в год) и явно недостаточном и некачественном их восстановлении (0,4 тыс. га в год). Во-вторых, в потребительском отношении людей к кедру и природе в целом. В кедровниках по вине человека участились пожары, порубка плодоносящих веток, а то и всего дерева. Одни, чтобы сбить шишки с дерева, бьют о ствол огромным колотом, нещадно уродуя ствол, другие же спиливают бензопилой или того хуже — стлывают бульдозером или другой техникой все дерево, способное плодоносить еще сотни лет. Чаще всего все виды браконьерства наблюдаются со стороны геологоразведчиков и нефтяников.

Тюменской области и в целом Среднему Приобью необходимо вернуть прежнюю славу кедрового края и расширить площади припоселковых кедровых садов вблизи населенных пунктов и в других доступных местах. Для этого имеются все условия.

Вокруг многих населенных пунктов растут смешанные молодые насаждения со значительным участием кедров. Надо в первую очередь вовлечь их в хозяйственный оборот, заложить в них кедровые сады или создать кедрово-промысловые участки. Наиболее эффективный способ — изреживание густых насаждений под руковод-

ством специалистов лесного хозяйства. Такая работа уже ведется предприятиями управления лесного хозяйства. Научную и методическую помощь оказывают сотрудники Тюменской лесной опытной станции (ЛОС). Уже проводится интенсивный уход на сотнях гектаров смешанного молодняка в Березовском, Октябрьском, Ханты-Мансийском, Нижневартовском, Сургутском, Уватском и других районах.

Тюменская ЛОС разработала методику специальных рубок ухода за кедром, благодаря которым урожай орехов увеличится в 2 — 3 раза, а затраты окупятся в течение нескольких лет. Исследуются также возможности применения удобрений, специальных стимуляторов роста и плодоношения.

В ряде лесхозов области производится закладка и формирование припоселковых кедросадов. Предусмотрено создание их в 13 районах — от Тарко-Салинского на севере до Тобольского и Вагайского — на юге. Это очень важное, перспективное и экономически высоко rentabelное мероприятие. В нем должно принять участие население. Результатами работы можно будет воспользоваться не только в отдаленной перспективе, но уже через 10 — 15 лет.

Для создания оптимальных условий роста и развития (обильного плодоношения) кедра рекомендуются следующие мероприятия. В кедровниках необходимо систематически проводить рубки ухода и санитарные рубки, при этом убирать все больные и сухостойные экземпляры кедра, которые легко поражаются грибковыми заболеваниями, энтомофитами и пожароопасны в сухое и жаркое время. Удаляются и те сопутствующие и малоценные древесные породы, которые затеняют кроны кедров. Древостой разреживается до сомкнутости крон 40 — 50%. Кроны получают больше солнечного света, лучше прогреваются и продуваются ветром, создаются благоприятные условия для более энергичного роста побегов, образования зачатков женских шишек. Рекомендуется содействовать естественному возобновлению кедра путем подсева семян и посадки саженцев в «окнах» (просветах).

В избыточно увлажненных и заболоченных кедровых лесах целесообразно проводить поверхностную мелиорацию путем создания дренажных плужных канав. Такое осушение способствует значительному улучшению теплового, водно-воздушного режимов почвы и условий усвоения питательных веществ. При этом усиливается активность микроорганизмов, энергичнее протекают процессы разложения органических веществ, улучшается структура и плодородие почвы.

В насаждениях, отводимых в рубку и имеющих примесь кедра в составе древесных пород (до 20%) и кедровый подрост под материнским пологом, разработку лесосек следует вести узколесосечным методом с сохранением подроста и оставлением одиночных или групповых обсеменителей. Огневая очистка лесосек от порубочных остатков должна быть категорически запрещена.

В ближайшее время силами управления лесного хозяйства области и лесной опытной станции г. Тюмени нужно провести обследование кедровников с целью установления их состояния и разработки мероприятий по сохранению и восстановлению. Необходимо также провести селекционную инвентаризацию — работу по отбору наиболее быстрорастущих, урожайных и устойчивых к неблагоприятным факторам деревьев кедра, составить на них паспорта, заклеить их, определить среднюю многолетнюю урожайность, наладить службу прогнозирования урожаев и сбор шишек в урожайные годы. Такие деревья в настоящее время признаны единственным источником заготовки исходного материала для создания семенных плантаций и кедросадов.

КРЕМНИСТО-ОПАЛОВОЕ СЫРЬЕ

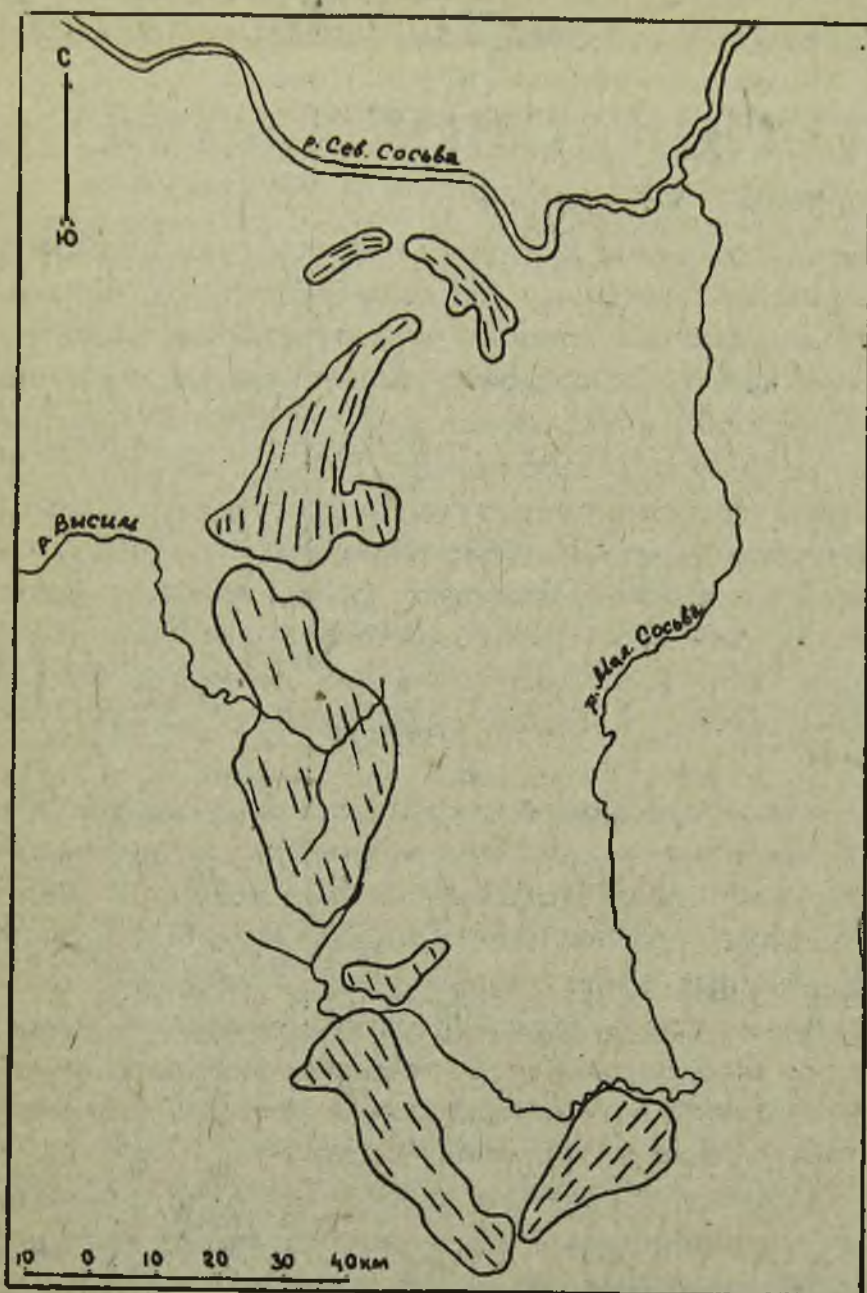
Валентина Смирнова

В начале 80-х годов в северной половине Западно-Сибирской низменности в результате работ геологов Главтюменьгеологии и Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института была выделена Западно-Сибирская субпровинция кремнисто-опаловых пород, охватывающая огромную территорию от пос. Советский на юго-западе до г. Уренгой на северо-востоке, от Приобья на юге до р. Сыня на северо-западе. Значительная часть ее находится в пределах Ханты-Мансийского автономного округа, в западной его части: Советский, Октябрьский, Березовский, Ханты-Мансийский районы. Здесь выявлен ряд месторождений и проявлений кремнисто-опаловых пород, которые могут служить уже сейчас надежной сырьевой базой для промышленного использования этого вида сырья. Наибольшая часть этих месторождений находится вблизи действующих транспортных магистралей, что может существенно облегчить ввод их в эксплуатацию.

Геолого-съемочные и поисково-разведочные работы показали, что более всего выходов на дневную поверхность кремнисто-опалового сырья, представленных опоками, диатомитами и диатомовыми глинами, сосредоточено на Обь-Сосьвинском водоразделе, причем месторождения и проявления обнаружены в строго определенных зонах, называемых в геологической литературе параллельно-грядовым рельефом. Межгрядовые понижения подчеркнуты долинами мелких водотоков и заболоченными ложбинками. (См. рис.) Гряды перекрыты с поверхности маломощным плащом песчаных отложений, в основании которых песчано-гравийная смесь.

Развитие нефтегазового комплекса определяет постоянный рост объемов строительного-монтажных работ и потребность в строительных материалах для городов и промышленных объектов автономного округа. В округ ввозится большое количество железобетона, теплоизоляционных изделий и других строительных материалов. Транспортировка повышает их стоимость, т.к. помимо оптовых цен учитываются затраты на перевозку, погрузочно-разгрузочные и прочие работы, на которые приходится до 90% стоимости товара. Вместе с тем, огромные запасы кремнисто-опаловых пород в пределах округа не используются.

К примеру, только в Советском районе месторождений кремнисто-опаловых пород — десять. Ресурсы сырья в его пределах являются практически неограниченными, что делает район крупнейшей по запасам этих пород провинцией. Вовлечение даже малой части месторождений для использования в строительных и иных целях могло бы помочь Советскому району умерить дальнейшее потребление лесных богатств и перепрофилировать часть производственных мощностей и людских ресурсов на переработку кремнисто-опалового сырья. Технологические испытания пород показали, что опоки

пригодны для получения жидкого стекла и могут быть использованы в цементной и строительной отраслях промышленности в качестве гидравлических добавок. Имеется перспектива прироста запасов кремнистого сырья за счет увеличения глубинной разведки, а также вдоль газотрассы Игрим-Серов. Наличие железнодорожной сети позволяет наладить вывоз сырья за пределы области.

В мировой практике накоплен немалый опыт использования кремнисто-опалового сырья, разработана технология производства высокопористого заполнителя-пенотгранулята. Эта технология обеспечивает достаточную однородность сырья и правильную однообразную форму заполнителя и позволяет в нужном количестве на определенном технологическом пределе равномерно распределить добавки, улучшающие свойства гранулированного заполнителя (предназначает-

ся для изготовления теплоизоляционных, конструктивно-теплоизоляционных и конструктивных бетонов специального назначения).

Лабораторией НИИ камня и силикатов Армении в период с 1969 по 1981 г.г. разработаны гидротермально-щелочной способ и типовая технология комплексной безотходной переработки горных пород на ряд силикатных продуктов, находящих широкое применение в народном хозяйстве. Правовая защита проблемы обеспечена 20 авторскими свидетельствами СССР и 16 патентами пяти зарубежных стран (США, Япония, Германия, Италия, Турция).

Предварительные лабораторные исследования проб диатомита севера Тюменской области показали принципиально возможное получение на их основе облицовочной плитки, фильтр-порошка, добавок, используемых при производстве свинцового хрусталя, посуды, пенопласта и т.д.

ОСТРОВ СМОЛЬНЫЙ

Дмитрий Шлябин

В Мегионском историко-этнографическом музее, в отделе русского быта, среди множества предметов крестьянского обихода есть огромный чугунок. Надпись поясняет: «Чугунок, середина XIX в. Находка на о. Смольный». Да, эта находка была сделана создателями музея в одну из первых поездок на примечательный остров.

Немногие из жителей города знают о том, что история заселения Мегиона русскими тесно связана с этим островком. Ведь Мегион до 30-х годов оставался чисто хантыйским поселком: пять — шесть семей, живущих в небольших рубленых домиках, рядом лабазы для хранения охотничьих и рыболовных снастей, под лабазами — нарты, на берегу — обласа. Собняком в Мегионе за озером в кедряче стоят пятастеник богатого остяка Проломкина да огромная конюшня на два десятка лошадей. Поселок раньше звался несколько иначе, старожилы Ваты, Покура и по сей день говорят по старинке: «Поехали в Майон».

Поселения ханты часто именовались по определенной схеме: первая часть названия — отмечающая характерное для поселка, вторая — собственно поселок, юрты. В основу названия нашего поселка легло его топографическое положение. По-русски можно сказать так: поселок, лежащий в устье протоки, огибающей землю (яр, материк). По-хантыйски это, возможно, произносилось как «Пыгор тя мыг ин пугол», где пыгор — протока, мыг — земля, пугол — юрты (поселок). Со временем упоминание о протоке стерлось, осталось самое существенное, близкое по звучанию к Мыых, ын — Майон.

Интересно, что у известного этнографа, автора трехтомника «Тобольский Север» А.А. Дунина-Горкавича, описавшего наши реки, кедрячи, болота, поселение названо более полно — Майонские юрты. Мегион — это явно более позднее название. Следы старого поселка, как и более ранние стоянки, давно смыты Мегой. Смыто в 50-е годы и старое хантыйское кладбище, находившееся напротив устья Мулки. Старожилы вспоминают о красивых изделиях из стекла и хрусталя, вымытых водой из могил.

Округа в начале века была заселена также и русскими людьми. Об этом говорит топонимика. Река Рязанка — упоминание о купце Рязанове. Или озеро Лепецкого, заимка Тетюцкого... О купце Лепецком — жителе деревни Вата и по сей день сохранились легенды. И все же ханты оставались фактически хозяевами земли в то время. В этнографических заметках о быте, суевериях крестьян, казаков Сургутского уезда есть интересные сведения: за право «чистить» орехи на кедровой гриве или право рыбалки на плавном песке хантыйскому старшине (князьку) требовалось уплатить. Уплата производилась в основном водкою: две, четыре четверти (четверть — 2,5 литра).

Часть местного населения относилась к русским настороженно, а порой и прямо враждебно. Соблюдая заветы своих мудрецов, ханты оставались единственными жителями Мегиона как при царизме, так и при новой власти, которая не особо считалась с обычаями и традициями коренных жителей. Русским не воспрещалось приехать в гости, торговать, но не на поселении. А иначе — «Дыр на голова делать будем!» — твердо заявляли желающим «подселиться». Так маленький народ пытался отгородиться от приобщения к чужой культуре,

утраты своих традиций, самобытности. Потомственные охотники, рыбаки, собиратели, люди с формой хозяйствования присваивающего типа всецело зависели от даров природы. Ежедневное пребывание один на один с дикой природой породило сложную религиозную систему добрых и злых духов и отчета перед ними, своеобразный экологический самоконтроль. Человек берег свою землю.

Сердце ханта сжималось при виде того, как русский мужик, чтобы не потерять топор, вонзает его в живое дерево или, не принеся дар духу леса, рубит живые деревья на дрова. А хантыйские женщины идут за хворостом на болото или за сухим ветельником на остров так называемые «хантыйские дрова». И это почти ежедневный моцион в зимние дни, хотя хозяйке нужно еще делать много монотонной кропотливой работы, сидя за вышивкой, выделкой шкур и пр. Срубить ветлу на облас хант мог только с разрешения шамана.

Русский крестьянин, человек иной культуры — культуры производящего типа (скотовод, земледelec) — более активно противодействовал природе. Он не только вживался в нее — он подстраивал ее к своей жизни. И это активное начало по отношению к природе пугало аборигенов. «Пошто земля шевелишь?» — спрашивали ханты, увидев работу за плугом дяди Прони Гордеева. Сколько было этих наивных вопросов, почти детских и в то же время философских «пошто»!? И уж святотатством считалось, если русский указывал пальцем на небо — жилище Нум Торума. Не случайно ваховские ханты часто в упоминаниях о русских добавляли «дикий русский», а то и просто «рутик — вый» — русский разбойник.

Тотальная коллективизация прошла по Сибири. В одном из поселков на Оби — Александрово мужики, не желая быть загнанными в колхозное «светлое» будущее, разобрали на плоты дома, взяли пожитки, скот и коллективно отправились вниз по Оби в неизвестность. Конец сентября застал их на песчаной косе одного из островов с гривой, густо заросшей сосняком, кедрачом. Версты на четыре повыше был поселек хантов Майон, но ханты помнили советы шамана Проломкина — жить не пустили. На острове вскоре пошел дым из труб глинобитных русских печей в 15 крестьянских домах. Жизнь пошла своим чередом. По весне мужики смолили рыбацкие лодки, на полях рос овес, ячмень, рожь. На берегу Смолинских ям вскоре заработала ветряная мельница. Дичь была за огородами, а осетров, налимов, по словам старожилы К. Анисимова, «крючили» у деревенских прорубей. Но больно было глядеть крестьянам, как летом скот заедал гнус.

Первым в Мегион перебрался Зырянов. Уж очень его бражку любили ханты. За ним потянулись другие. В 1937 году в Мегионе организована школа-интернат для детей ханты, а также русских из окрестных деревень. Со Смольного в школу Мегиона еще несколько лет бегали наши старожилы Н. Гордеев, К. Анисимов.

Поселек рос, население русских прибывало, чего не скажешь о хантах. Ломка традиций ханты, а также возможность беспрепятственно взять спиртное в открывшейся торговой точке «Интегралке» унесли многие жизни коренного населения.

Всероссийским обществом охраны природы в 1992 году остров Смольный объявлен и зарегистрирован в округе как памятник природы. На острове должна быть прекращена всякая деятельность, территория выводится из охотпользования, введен заповедный режим. Жаль, восточную часть острова подмывает Обь. Вода нет-нет да и вымоет из обвалившегося берега то косу, то ухват, то черепок горшка, то отслужившую проржавевшую лопату, то еще какой предмет труда народа, принесшего на эту землю новую культуру — культуру земледельца.

г. Мегион.

Старая вогульская ловушка

На протяжении веков кондинские рыбаки-манси пользовались деревянной ловушкой под названием морда, или, по-мансийски, камка, особенно в мелких водоемах: речках, живунах, курьях, озерах и даже в Конде, где городились запоры.

Для плетения морд использовались деревянный жал, кедровый корень, тонкие стебли черемухи или ивы. Морды из водопойного молодого тальника вогулы не плели, их делал на Конде приезжий люд. Морденный жал готовили из соснового ствола. Заготовки, или голтьё, из сухостойного либо предварительно просушенного дерева кололи на тонкие жалины, потом строгали их. Для самой морды жал делался стреловидной формы длиной около 180 см., на более толстом конце вырезалась головка для более прочного приплетения к основанию морды.

Жал внутренней части морды — дetyша, или сумота, готовился трех видов: первый имел длину 25 см. и стреловидную форму, второй — раздвоенный снизу, 60 см. в длину и третий такой же, но 80 см. в длину.

Кедровый корень, используемый для плетения, кололи на мелкие доли, размачивали и затем мяли на специально изготовленной деревянной мялке обухом ножа.

Обручи делали в основном черемуховые, реже таловые, строганные, диаметром чуть толще карандаша. Черемуху выбирали по толщине с таким расчетом, чтобы из нее выходил один обруч либо, после раскалывания, два или четыре одинаковых. Сердцевину дерева состругивали.

Основанием морды служила дуга из вяза, тала или черемухи толщиной 20—25 см. Более тонкие стволы не годились, т. к. в этом случае добытая рыба застревала бы между стенками морды и дetyша.

К внутренней стороне этой дуги, или рамы, привязывали основание дetyша морды, сплетенное обручем внутрь, а жалинами наружу. После этого плели сам дetyш из жалин и трех круглых обручей, диаметр которых резко шел на уменьшение. Делался еще и четвертый переплет дetyша, но без обруча, одними корнями. Плетение выполнялось с таким расчетом, чтобы в узкую часть дetyша выходила только одна жила из трех, привязанных к основанию, и место входа в морду не было темным из-за большой густоты жалин и не отпугивало рыбу. Расщепленные концы более длинных жалин, наоборот, уменьшали расстояние между ними у основания морды.

Обруч самой морды привязывался к раме жалинами внутрь и далее морда оплеталась до конца по спирали, витки которой разделяло расстояние примерно в 20 см.

Посреди морды, на 25—35 см. выше дetyша, подвязывалась витая веревка или использовались деревянные бабки длиной около 30 см., и морда немного стягивалась и приобретала в сечении сплюснутую форму.

На плетение морды, дetyша, крышки и закрепление в ее нижней части двух тонких жердущек или утолщенных тычек уходило более двух дней. Это без заготовки материалов. Мой отец, Леонтий Иванович, каждое лето обновлял свой набор ловушек на 3—4 морды. Я и сам плел морды, когда работал рыбаком в колхозе «Красный Север» (д. Кипавла). Это умение пригодились мне и после.

Н. Калымов

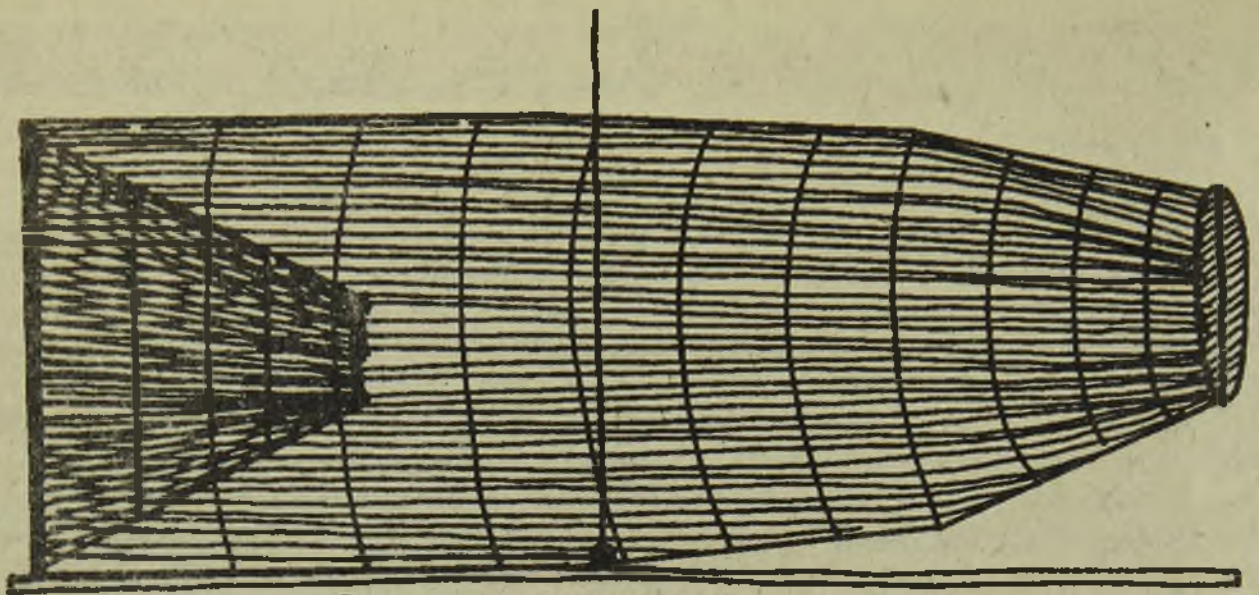

Рис. 2

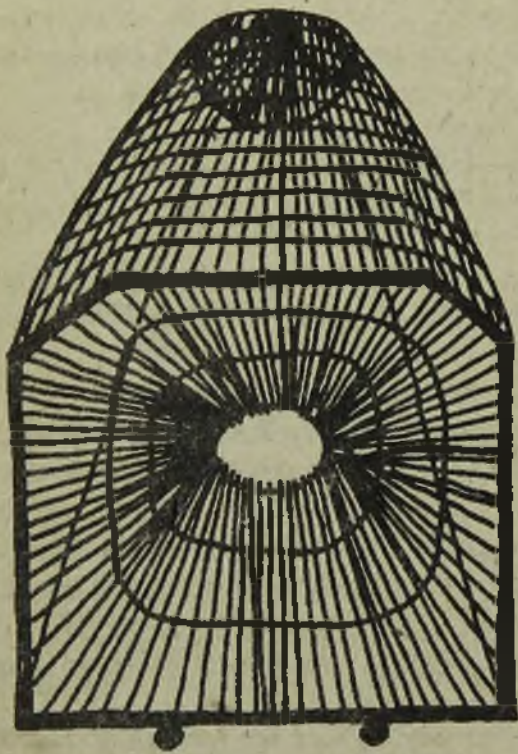
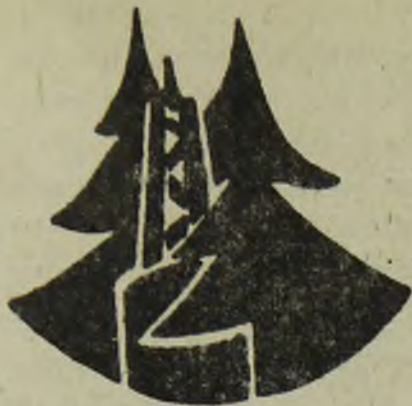

Рис. 1

Рис. 3

На рисунках: 1 — вид морды со стороны основания, 2 — вид морды сбоку, 3 — крышка морды.

Экономика. Ресурсы. Экология.

(По сообщениям периодики)

КАРТА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

при разработке торфяных болот составлена в Новосибирской области. Заказ областной администрации выполнили ученые Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья. Подобный картографический документ для Западной Сибири — крупнейшей торфяной провинции мира — подготовлен впервые.

Необходимость в нем возникла в связи с началом освоения месторождений торфа, карты ограничений нужны, чтобы не допустить масштабного ущерба природе, которым сопровождалась в Сибири разработка других природных богатств — нефтяных, газовых, угольных, рудного сырья, лесных ресурсов. Разработка торфяных пластов без должной экологической оценки может привести, по мнению ученых, к еще более серьезным последствиям, в частности, к изменению климата в Западной Сибири.

Ученые предложили часть самого крупного на планете Васюганского болота, площадь которого превышает полтора миллиона гектаров, передать под заповедную зону, торфяной уникум ценен не только размерами и мощностью залежей, местами простирающихся на десятиметровую глубину, но и неповторимой флорой и фауной, немало видов которой занесено в «Красную книгу». Заповедник предлагается создать на стыке Новосибирской, Томской, Омской и Тюменской областей, на территории которых располагается Васюганское болото.

(«Зеленый мир»).

Восполнить рыбное стадо

Малый совет Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа для продолжения работ по программе воспроизводства рыбных запасов во втором полугодии 1993 г. выделил Обь-Тазовскому отделению института СибрыбНИИ проект 62 миллиона рублей. Одновременно администрации округа поручено изучить возможность размещения опытно-производственной базы по воспроизводству осетровых и сиговых рыб в районе Ханты-Мансийска.

(«Новости Югры»).

Кто спасет «живую» воду?

Пожалуй, нигде в бывшем СССР нет таких запасов минеральных вод, как в Западной Сибири.

Целебная вода с температурой на поверхности от 39—40 до 67 градусов в Тюменской области, занимающей одну треть площади огромного Западно-Сибирского артезианского бассейна, изливается на поверхность земли с глубин 800—2500 м.

Эта вода обладает поистине животворной силой — она способна поставить человека на ноги в буквальном смысле слова, заставить двигаться практически неподвижные конечности. Минеральная термальная вода содержит такие биологически активные компоненты, как йод, бром, бор, литий, стронций, железо, фтор и другие элементы, способствующие заживлению кожных заболеваний и хронических воспалительных процессов, восстановлению центральной нервной системы.

Автор статьи гидрогеолог из Тюмени Ольга Булыгина далее обращает внимание на плачевное состояние местных водолечебниц и призывает по-хозяйски использовать «живую» воду, которая способна принести людям здоровье, а предпринимателям — прибыль и славу.

(«Сибирская газета»).

Новый взгляд на привычное

В Тюменской области начала работать международная экспедиция по экологической оценке лесных территорий, собравшая ученых Швеции, Австрии, США, Канады и России. Экспедиция родилась по инициативе Международной ассоциации исследователей лесов Севера и при прямом участии объединения «Ноябрьскнефтегаз», администрации г. Ноябрьска и пос. Красноселькуп. Предполагается, что она будет не временным мероприятием, а постоянно действующим научным центром. Рекомендации специалистов такого центра помогут северянам рационально и грамотно осваивать природные богатства и в то же время сохранить природу для потомков.

Не исключено, что уже первый этап исследований принесет результаты, ломающие привычные представления о проблемах сибирской тайги и даже противоречащие лесному законодательству. Об этом, в частности, говорит название публикации научного руководителя экспедиции доктора биологических наук Владимира Седых: «О пользе ... лесных пожаров».

(«Сибирская газета»).

Удивил ученых водитель

В поселке Таежный на окраине Надыма водитель местного предприятия технологического транспорта Николай Скородумов восьмой год выращивает картофель на скудной почве вагон-городка. И постоянно расширяет свою плантацию, занимая освобождавшуюся после сноса вагончиков землю. Сейчас площадь картофельного поля уже около пятнадцати соток. И урожаи весьма приличные.

В гостях у владельца приполярной плантации бывали ученые из Тюменского сельхозинститута, научно-исследовательского института мелиорации и рационального природопользования, расспрашивали. Особенных секретов у Николая нет. Он упорно улучшает почву. Раньше привозил навоз из совхоза «Арктика». Когда совхоз ликвидировали, Скородумов выкупил там двух лошадей, которых хотели пустить под нож, — теперь у него собственные органические удобрения. Его пример — наука для местных властей, озабоченных, как обеспечить горожан «вторым хлебом».

(«Тюменские известия»).

Слайд-фильмы Юрия Трифонова

В один из знойных фестивальных дней в маленьком и прохладном кинозале окружного краеведческого музея проходил не предусмотренный программой просмотр слайд-фильмов урайца Юрия Трифонова. На глазах десятка зрителей статичные кадры как бы оживали, плавно перетекая один в другой или, наоборот, трансформируясь резко, взрывообразно. Вот в фильме «Босх» взгляд автора фиксируется на картинах знаменитого художника. Ничего нет в фильме, кроме сфотографированных репродукций из альбома, и все-таки это не просто воспроизведение. Последовательность, в которой выстроены кадры, сам выбор их, длительность мгновений, на которые глаз задерживается на той или иной картине, отмеренная внутренним чутьем снимающего, — это уже авторское.

Слайд-фильмы непродолжительны, за какой-нибудь час их было продемонстрировано полдюжины. Вот «Медитация»: под незнакомую зыбкую музыку проплывают странные яркие картины. Это попытка передать образы, встающие перед внутренним взором человека, находящегося в необычном, стрессовом состоянии. Фильм «Кома» — здесь опять виден философствующий художник, который всматривается в пограничное состояние между жизнью и смертью. Такое ощущение, что на твоих глазах происходит разрушение формы человека и освобождение его души. Развертывается тема религиозного сознания, полустороннего, параллельного мира.

Слайд-фильм как вид изобразительного творчества мало известен, он почти не пропагандируется ни журналом «Фотография», ни Союзом фотохудожников России, прочитать о нем нигде, поэтому мы попросили Юрия Николаевича Трифонова рассказать сначала о том, что он собой представляет, а затем — о своем творчестве.

В основе своей слайд-фильм — это искусство показа картинок. Когда оно возникло, еще и фотография не была изобретена. Устанавливалась свеча, и на дым костра проецировалось изображение. Потом стали применять камеры для демонстрации рисованных картинок. Затем уже появились люди, которые специально обучались и в совершенстве владели мастерством показа. С изображением фотографии стали проецировать фотоснимки. А в наше время демонстрация слайд-фильма ведется через два диапроектора с помощью пульта, посредством которого можно усиливать или ослаблять интенсивность подаваемого в них света. При этом в межкадровом пространстве могут возникать очень интересные иллюзии образов, которые вызывают у зрителя определенные ассоциации. Вообще слайд-фильму присущ язык не образный, а ассоциативный.

Вернусь опять к истории. Этот метод наплыва, когда фильм демонстрируется с помощью двух или более диапроекторов, называется *диапорамой*. Возник он во Франции лет сорок назад из неудовлетворенности теми зрелищами, которые были в то время на французских экранах. Первый российский клуб появился, по-моему, в Москве, сейчас он называется «Странник». В нем много молодых, но есть и «старики», которые начинали лет 30 — 40 назад почти одновременно с французами.

По своему построению слайд-фильм делится на два ряда: изобразительный и музыкальный. Изобразительный ряд — это последовательно разложенные кадры, каждый слайд находится строго в отведенном ему месте. Если слайды можно переставить, то это уже не фильм, а просто слайд-композиция. Фильм тем и отличается от нее, что в нем все продумано, четко выражена концепция, нет ничего лишнего. И изобразительный ряд должен строго соответствовать музыкальному. Особый шарм — в совпадении некоторых изобразительных и звуковых нюансов.

Монтаж слайд-фильма очень сложен и играет решающую роль. Нужно рассчитать монтаж по свету, по цвету, по композиции, при этом приходится нарушать и классические формы композиции. Разумеется, слайды должны быть технически грамотными. И очень важное значение имеет музыкальный ряд. Если бросить на чашу весов изображение и

музыку, будет равновесие. У разных авторов эти две составляющие сочетаются по-разному: одни идут от музыки, она подсказывает им решение, других ведет изображение. Я считаю, что в основе всего должен быть четкий замысел. Совсем не обязательно выписывать сценарий «от» и «до», я не сторонник «железных» сценариев, но и не сторонник «нежных», либеральных. Вот свердловчане, например, считают, что фильм рождается из случайных кадров. Я этого не скажу, хотя элементы случайности признаю.

Конечно, многое зависит от импровизации, особенно в процессе показа. Можно сказать, что фильм невозможно дважды показать одинаково, как невозможно составить два одинаковых букета. Вот как раз в самом показе и заложена возможность значительной импровизации. Точно так же бывают озарения и во время монтажа. А когда я делал фильм «Вечность», много импровизации было уже в процессе съемки.

Начинал я 27 лет назад с фотографии, потом перешел на слайды. Пейзажи, турпоходы... Этих слайдов набралось уже довольно много, но не было определенной, законченной формы. Первые опыты создания слайд-фильмов вылились в участие в конкурсе, который я сам же и организовал в Урае в 1987г. в бытность председателем фотоклуба. Тогда я еще не знал, как делают другие, шел наощупь, в потемках. Но конкурс был проведен, а в 1988 году — еще один. В этом же, а затем в следующем году участвовал в конкурсах в Тюмени — начал приобретаться опыт. Самым богатым был 90-й год, в котором прошли сразу два фестиваля: всесоюзный в Харькове и следом еще один в Запорожье. В Харькове, куда съехалось больше 70 человек из всех уголков страны, впервые я стал дипломантом. Были отмечены сразу несколько моих работ: «Голубой мотив», «Инакомыслящий» и одна слайд-подборка, которая позднее тоже стала фильмом. Меня заметили, и в первую очередь москвичи. Вспомнился 88-й год, когда в Свердловске меня здорово избили именно москвичи, которые очень ревниво относятся к чужим успехам, и я поклялся, что наступит время, когда приеду в Москву и в хорошем смысле слова «разгромлю» их.

В 91-м году на фестивале в Санкт-Петербурге мой фильм «Вечность» занял второе место. И, наконец, в 92-м году в Москве прошел открытый городской слайд-фестиваль. Я выступил очень удачно, был тепло принят, замечен журналом «Мир путешествий». В итоге я получил главный приз за программу фильмов: «Инакомыслящий», «Кораблик», «Вечность», «Дама в черной шляпе»... Из десяти фильмов, которые я показал, шесть было отмечено. Вскоре после этого получил приглашение на фестиваль — 93, который в течение двух недель будет проходить во Франции, Бельгии и Люксембурге. Хотелось бы найти средства и съездить, тем более, что из России, насколько я знаю, никто больше на этот фестиваль не приглашен.

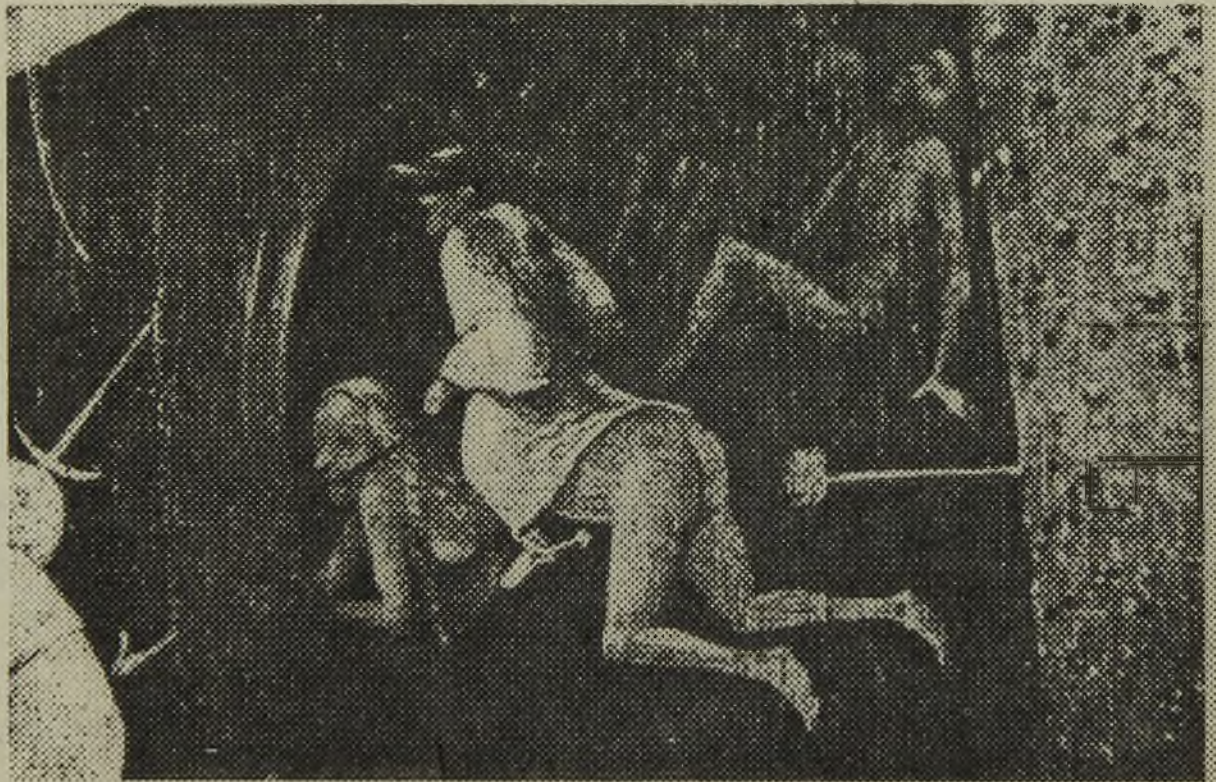
Пожелаем же нашему земляку Юрию Трифонову вдохновенного творчества, новых талантливых фильмов.

На снимках — два кадра из слайд-фильма «Босх», оба из триптиха «Сад земных наслаждений».

Верхний кадр. Заключение договора с дьяволом, подписать который грешника заставляет свинья. Чудище в шлеме, с отрезанной ногой — алхимический символ фиксации ртути (женского начала) — намек на жадность и сладострастие.

Нижний кадр. На женщине верхом — мужчина. Шпоры, узда. Подгоняющая кисть — вечное наказание женщине за неумеренное тщеславие и честолюбие.

Иероним Босх (около 1450—1516) — нидерландский живописец. Сочетал изощренную средневековую фантастику с фольклорно-сатирическими и нравоучительными тенденциями. Все произведения Босха объединяет одна общая тема — борьба высших и низменных, божественных и адских сил, тема греха и глупости, господствующих на земле, и наказание за грехи в загробном мире. Босх своим творчеством по праву венчает золотой XV век нидерландской живописи. Ряд авторов видит в Босхе предшественника современного сюрреализма.

Клуб «Тюменская старина».

На вопросы редакции отвечает заведующая сектором редкой книги краеведческого отдела областной библиотеки Е.Н. Коновалова.

— Елена Никифоровна, работа Вашего клуба — один из примеров активной краеведческой жизни. наших читателей интересует, как возникают подобные объединения и что спланивает людей. Расскажите, пожалуйста, о «Тюменской старине».

— Клуб организован при библиотеке пять лет назад. Толчком послужили те увлеченные рассказы посетителей нашего сектора редкой книги о своих находках, которые мы слышали постоянно. А потом у одного из читателей, Ивана Ивановича Менухова, созрело предложение: собрать в библиотеке тех, кто интересуется историей края, вообще стариной. Сам он интересный человек: топограф по профессии, кандидат физико-математических наук и, кроме того, ведет поиск документов для книги о своем деде — участнике экспедиции Пржевальского. И он говорит: давайте объединимся, возможно, мы и друг другу чем-то поможем. Это стало решающим стимулом, и скоро клуб был организован.

У нас есть совет клуба из пяти человек, вместе обсуждаем тематику заседаний — она у нас расписана уже на год вперед, бывает, что даже и очередь создается. Члены клуба собираются в каждый второй четверг месяца, приходят и учителя, и преподаватели вузов, и профессора, и рабочие, и школьники. Иногда даже бабушки и дедушки приводят своих внуков. На заседания ходят с интересом, потому что получают богатую информацию об истории нашего края. Выступают сами члены клуба с сообщениями по интересующим их темам. Кто ищет, тот знает радость находки и хочет ее поделить — естественно, эти люди идут в наш клуб, чтобы рассказать о своем нелегком поиске, и их радость мы разделяем сообща. Увлекательным было, например, выступление Аркадия Петровича Захарова на тему «Пушкин и наш край». Активно участвует в работе клуба профессор Виктор Ефимович Копылов — непревзойденный краевед Тюмени, создавший на своем богатейшем материале музей «Наука и техника Зауралья» в индустриальном институте. Его статьи на краеведческие темы можно увидеть почти во всех областных изданиях.

Очень интересные три заседания, посвященные династии Романовых, провела недавно Любовь Александровна Пиманова, кандидат исторических наук. Она сообщила обо всех представителях династии, побывавших в нашем крае начиная с семнадцатого столетия по 1918 год. Рассказы были блистательны, захватывающи.

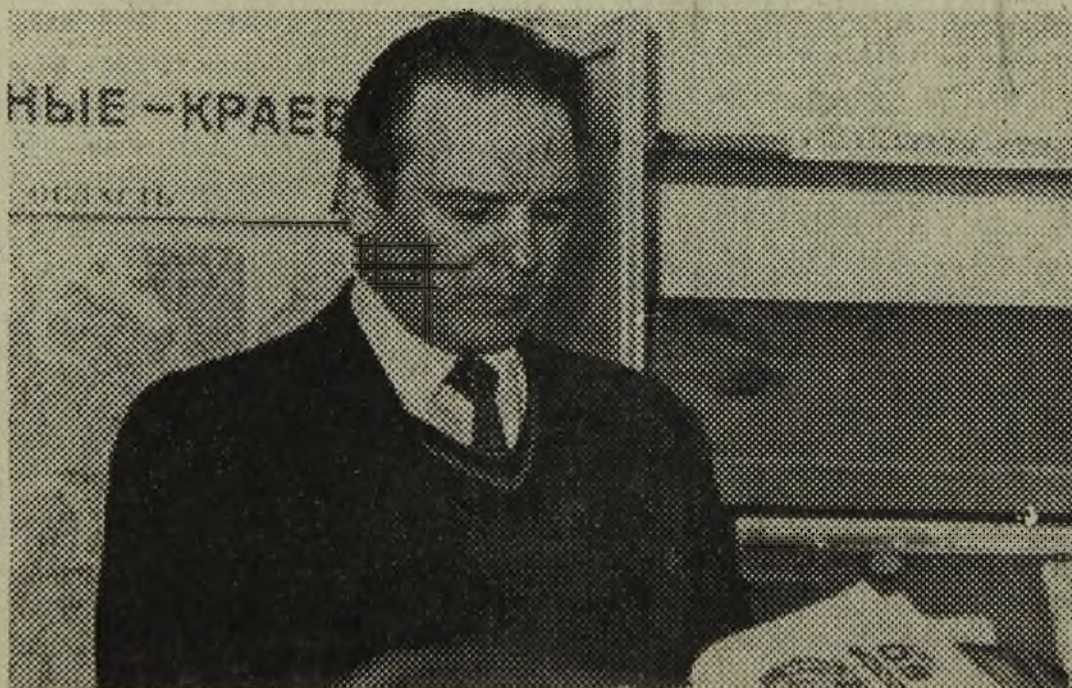
Члены клуба не только рассказывают, но и демонстрируют свои находки, коллекции. Тот же В.Е. Копылов, говоря о замечательных людях края, показывал фотографии, коллекции монет, дореволюционные открытки, марки. И таких выставок у нас было немало.

— Как Вы считаете, возможно ли возрождение краеведческого движения в России, подъем его до уровня 20-х годов?

— Да, сейчас настало золотое время для краеведения. Идет возрождение, мы это чувствуем по нашему краеведческому отделу. Сейчас не только много приходит к нам ученых, исследователей. Идут студенты. К нам настоящее паломничество школьников, которых мы годами здесь не видели, а это говорит о том, что и у учителей интерес появился, они дают контрольные задания, рефераты на краеведческие темы. Мы, естественно, никому не отказываем. Идет возрождение, и мне кажется, что этот интерес к краю уже не потухнет. Дай бог, чтобы он никогда не потух.

Записал В. Белобородов.

На снимках: 1 — фрагмент выставки, организованной студентами исторического факультета Тюменского университета по материалам археологической экспедиции; 2 — В.Е. Копылов.

Тобольские члены и сотрудники Вольного экономического общества (1765 — 1861 гг.).

Ю. Белоножко, кандидат исторических наук.

Сложный процесс зарождения и становления отечественной агрономической (сельскохозяйственной) науки, вызванный к жизни потребностями экономического развития России, протекал в последней трети 18 — первой половине 19 вв. В то отдаленное время центрами формировавшейся науки были добровольные объединения немногочисленных специалистов и знатоков («любителей») сельского хозяйства — экономические и сельскохозяйственные общества. Первым по времени возникновения явилось Вольное экономическое общество (ВЭО). Основанное в 1765 г. в Петербурге, оно поставило своими целями изучение состояния русского сельского хозяйства, разработку мероприятий по его улучшению, оказание помощи помещикам в деле повышения доходности их имений, распространение в народе агрономических знаний. Деятельность общества была обширна и многогранна. Она заключалась в создании разветвленной по территории страны сети членов, развитии научных идей, сборе сведений о сельском хозяйстве России и знакомстве с зарубежным опытом, пропаганде научных знаний среди населения через школу, опытный хутор, чтение публичных лекций, устройство библиотек и сельскохозяйственных выставок, издание и распространение журналов и книг.

Решить поставленные задачи силами немногих членов, живших в Петербурге, было невозможно. Нужно было найти во многих местах России и сплотить единомышленников, которые проводили бы в жизнь идеи общества. Этой работе уделялось большое внимание. Особый интерес ВЭО проявляло к Сибири. Это объясняется почти полной неизученностью в то время огромного края, простиравшегося от Уральских гор до берегов Северной Америки. На этом огромном пространстве ВЭО сумело приобрести за первое столетие своего существования (1765—1861 гг.) более ста членов и сотрудников. Немало деятельных людей было отыскано в обширной Тобольской губернии. Постепенно Совет ВЭО сумел вовлечь их в работу общества.

Ниже наш рассказ — о тоболяках, которые внесли посильный вклад в развитие сельскохозяйственной науки и производства. Очерки о тобольских деятелях ВЭО не претендуют на полноту и исчерпывающее содержание. Это первая попытка воссоздать биографии людей, которые в свое время содействовали в той или иной степени развитию экономики края. Рассчитываем, что публикация очерков даст толчок поиску новых материалов в местных архивах и библиотеках. Полагаем, что предлагаемые нами материалы, почерпнутые, главным образом, из огромного архива ВЭО и извлеченные из издаваемого с 1765 г. журнала «Труды Вольного экономического общества», помогут краоведам написать биографии многих интересных деятелей.

1. Мыльников Андрей Андреевич.

В 1782—1783 гг. в Сибири было учреждено три наместничества — Тобольское, Кольванское и Иркутское, которые делились на области. В каждое из наместничеств для попечения об успешном развитии всех отраслей сельского хозяйства был назначен директор домоводства, приписанный по штату к Казенной палате.

В ведении директоров домоводства находились казенные деревни, заводы, фабрики и другие прибыльные учреждения. Поскольку в предмете занятий ВЭО и директоров домоводства было много общего, в Петербурге решили установить с последними теснейшие связи через переписку. Совет ВЭО намеревался через директоров домоводства собирать разнообразные экономические сведения. Первый вопрос, с которым общество обратилось к ним, был следующий: «Находятся ли в Вашем месте и на какое идут употребление гипс, известь и мергель?» Одновременно общество извещало директоров о том, что с 1787 г. намерено приступить к изданию «Экономического еженедельного сочинения». Циркулярное письмо такого содержания было подготовлено и обсуждено на заседании членов ВЭО 3 октября 1786 г. Оно получило одобрение присутствовавших, впоследствии было отпечатано и разослано во все губернии и наместничества. Не забыли и далекую Сибирь. В частности, названное циркулярное письмо было направлено директору домоводства Тобольского наместничества надворничьему советнику Андрею Андреевичу Мыльникову.

Мыльников немедленно откликнулся на обращение ученого общества. Уже 30 декабря 1786 г. он благодарил ВЭО за предложение вступить с ним в переписку. В ответ на запрос ВЭО директор домоводства сообщал, что известь найдена в Тобольской губернии по берегам р. Томи, а гипса и мергеля нигде не обнаружено. К письму Мыльников приложил краткое описание Тобольской губернии, уделяя в нем основное внимание ее лучшим хлебородным округам — Ялutorовскому, Курганскому, Ишимскому. Это описание затерялось. По прошествии двух лет письмом от 9 декабря 1788 г. тобольский директор домоводства пытался узнать, как общество оценило его труд. Сочинения Мыльникова в архиве ВЭО не обнаружили. И пришлось Андрею Андреевичу составлять описание заново. На этот раз оно было получено адресатом. Рассматривалось на собрании членов ВЭО 31 августа 1789 г. Было решено краткое описание Тобольской губернии опубликовать в «Трудах ВЭО».

По просьбе ВЭО директора домоводства сибирских наместничеств произвели подписку на «Экономическое еженедельное сочинение». Установлено, что при письме от 10 июня 1788 г. А.А.Мыльников послал в Петербург 30 руб. на 10 экземпляров «Экономического сочинения». В письме названы имена подписчиков. Это были тарские купцы Степан Нерпин, Иван Нерпин, Иван Петров, Павел Шарипов, штаб-лекарь Павел Козловский, ялutorовские чиновники — городничий Василий Разумов, исправник Иван Кожин, расправный судья Исаак Нордман, военный пристав Албычев. А вообще Мыльников сумел найти 48 подписчиков в Тобольском наместничестве. На общем собрании ВЭО отмечалось, что «Экономическое сочинение» начнет поступать к подписчикам с 1 июля 1788 г.

После этого в отношениях А.А.Мыльникова с обществом наступил почти годовой перерыв. 27 июля 1789 г. Андрей Андреевич писал, что все это время не имел возможности трудиться на пользу общества, так как был занят устройством винокуренных заводов и часто отлучался из Тобольска.

Дальнейшая история взаимоотношений директора домоводства Тобольского наместничества с ВЭО остается невыясненной. Известно, что А.А.Мыльников не раз публиковал свои работы в печатном органе ВЭО.

ТОБОЛЬСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1893 г.

Купец Сибиряков пожертвовал 10000 рублей Академии наук; из процентов каждые три года будут выдаваться премии за лучшее историческое сочинение о Сибири.

* * *

Последовало годовое заседание членов правления Тобольского губернского музея, состоящего под Августейшим покровительством государя наследника Цесаревича Николая Александровича. Объявлено, что Августейший Покровитель музея осчастливил его новым знаком внимания — согласием на пожалование музею своего портрета.

* * *

Состоялось общее собрание учредителей нашего первого еще в Сибири общества трезвости. Существует мысль учредить для членов общества трезвости особого рода медали для ношения на шее. Опыт введения таких медалей в крестьянскую среду в Австро-Венгрии в короткое время принесет поразительные результаты: число членов общества трезвости увеличилось на громадный процент.

* * *

В Тобольск прибыл художник-сибиряк В.И. Суриков. Причиной остановки г. Сурикова в Тобольске служит намерение написать картину, которая представит решившую судьбу Кучумова царства битву Маметкула с Ермаком. С этой целью В.И. Суриков знакомится с местностью и окрестностями знаменитой битвы и ведет занятия по снимкам древних оружий и одежды сибирских инородцев, хранящимся в нашем музее. Можно думать, что новая картина академика не лишена будет того же изящества и грандиозности, с каким вышли из-под кисти его картины «Казнь стрельцов», «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова».

* * *

Тоболяки возобновили ходатайство о проведении железной дороги до Тобольска. С проведением дороги до Тобольска он делается конечным пунктом: с одной стороны — этой дороги, с другой — обского водного пути, и к нему перейдет то значение передаточного торгового пункта, которое имеет ныне Тюмень, а следовательно, и сопряженные с этим значением выгоды. Тюмень хорошо понимает это и, без сомнения, употребит все усилия, чтобы воспрепятствовать осуществлению ходатайства Тобольска.

* * *

Чиновникам всех ведомств, их женам и неотделенным членам семейств предполагается воспретить заниматься какими бы то ни было коммерческими делами.

В 1892 году через Тобольскую губернию проследовало в Сибирь 100000 переселенцев, по рекам Туре и Тоболу перевезено 16 миллионов пудов грузов, в 1892 году по рекам Западной Сибири ходило 92 парохода. В 1893 году их стало — 102.

Публикация Ю.С. Надточия.

Река Конда

(отрывок)

Б.Городков

С одной стороны обилие естественных продуктов и возможность доставлять все это зимой обозами в Тобольск и Тюмень, с другой стороны легкая нажива от остяков с давних пор привлекали русских на Конду. Когда начались сношения русских с кондинскими остяками и вогулами, установить трудно. Во всяком случае русские торговцы и промышленники посещают Конду уже несколько столетий. Также неопределенно и время переселения русских семейств на Конду. По-видимому, крестьяне из более южных частей губернии, обыкновенно из Тобольского же уезда, стали селиться вместе с остяками всего несколько последних десятков лет. В юртах Есаульских нам пришлось останавливаться у бывшего крестьянина Кугаевской волости (недалеко от г.Тобольска), переселившегося на Конду 35 лет тому назад. Он считал себя одним из первых. В последнее же время количество добровольных переселенцев увеличилось, стали даже основываться русские поселения отдельно от остяков. Из русских поселков можно назвать Чилимку на Большом Кондинском сору и, пожалуй, юрты Алтаевские, где от прежнего остяцкого населения осталось всего несколько человек. В настоящее время по всей Конде живет много русских как торгующих, так и арендующих промыслы у остяков. Часто происходят смешанные браки, причем не только остяки женятся на русских, но и русские берут себе в жены остячек. По этим причинам большинство селений на Конде наполовину состоят из русских, а в некоторых они даже преобладают (юрт. Алтаевские). Нужно указать также, что существует и противоположность. В Красноярских юртах нет совершенно русских, за исключением одной жены остяка. Такая неравномерность в распределении объясняется различным отношением коренных жителей к приходящим русским. В то время как одни, более консервативные, не пускают к себе русских, мотивируя это тем, что они пытаются сделаться господами, другие, прельщаемые уплачиваемой русскими арендой, позволяют последним селиться в неограниченном числе. При этом остяки стараются взять с русских все, что только возможно. Пришельцы обязаны платить при вступлении в остяцкое общество 15 руб. (большей частью водкой), затем каждый год «кортом» на право ловли рыбы, охоты за зверем и сбора брусники в том же размере. За одно право сбора брусники берется 5 рублей. Подобным же налогом облагается скот, за исключением мелкого, по 50 коп. с головы и сено по 2 коп. за поставленную копну. Надо заметить, что цены не везде одинаковы, указанные взяты из села Болчаровского. В некоторых селениях еще до сих пор ничего не берут при вступлении, ограничиваясь одними кортомными деньгами.

Время беззастенчивой эксплуатации инородцев проходит. В известном отношении в настоящее время наблюдается даже противоположное. Более трезвые, а потому и более зажиточные, остяки часто имеют русских работников. Эти же остяки являются и вершителями судеб поселившихся на Конде русских, устанавливая какой угодно ко том. Пришельцев, чем-либо им не понравившихся, лишают права пользоваться промыслами,

после чего тем ничего не остается делать, как удалиться или смягчить как-нибудь хозяев Кондинского края. Дело обыкновенно оканчивается выпивкой на счет арендатора, после чего смягченные остяки уже не так дерут с русского. Само собой разумеется, что не все русские являются арендаторами. Есть и торговцы, держащие в своем кулаке остяков, но и тем уже приходится платить за покупаемую рыбу, меха и т.п. значительно дороже, чем платили еще в недавнее время. Приходится также тщательно следить за предлагаемыми товарами, так как остяки, честность которых когда-то была так известна, в настоящее время не стесняются подсунуть гнилую рыбу или продать за целую искусно исправленную испорченную шкуру. Появились даже кулаки-инородцы из тамошних жителей, которые обирают своих более слабых собратьев, находящихся у них в пожизненном долгу. Эти кулаки являются настоящими князьками, от которых зависят все решения сходов. Из торговцев последнего типа можно назвать Пактышева в Красноярских юртах, упоминаемого Паткановым в своем сочинении. В последнее время появился другой торговец остяк, житель с. Болчаровского, А.Д.Нялин, который благодаря своему уму и ловкости в обирании как своих соотечественников, так и русских имеет большое влияние на кондинских жителей.

Благодаря такому положению дел остяки и русские живут во взаимной и тайной вражде: первые из-за желания русских устроиться подешевле или даже получить в собственность часть остяцких земель, вторые из-за нежелания «платить дань остяку», часто мало работающему и живущему главным образом на арендные деньги.

Это взаимное недовольство, однако, не мешает сходить остякам и русским в образе жизни. Как те, так и другие носят совершенно одинаковую одежду и употребляют одинаковые промысловые орудия. От старинной мужской одежды не осталось и следа. Остяцкие шитые бисером и шерстью наряды сохранились только у старух, но и те по большей части охотно продают их. Молодые же остячки даже стесняются одевать подобные одежды, предпочитая им русские, которые представляют из себя ситцевые кофты, иногда расшитые (главным образом воротник) бисером. Старинная сароватка заменяется фабричным ситцевым платком, также иногда с бисерными украшениями. Бисерной обуви почти не сохранилось.

Живут в избах, по плану своему совершенно подобных избам крестьян Тобольской губ. Помещение разделено сенями на две половины, состоящих каждая из нескольких (большей частью из двух) комнат. В одной половине живут постоянно, другая же является более чистой, куда принимают гостей. У более бедных этого разделения не замечается, и изба состоит из одной части. По внутреннему виду почти невозможно отличить русские и остяцкие жилища. В последних особенной грязи не замечается; клопов и тараканов, этих неизменнейших спутников избы даже зажиточного крестьянина-сибиряка, не так уж много. У более зажиточных кондинцев дома строятся на городской лад и обставляются с большим или меньшим комфортом. Полы обыкновенно крашенные. У вышеупомянутого Нялина в доме оказался даже граммофон. Около дома находятся амбары, по большей части небольшие, выстроенные для предохранения запасов от крыс на нескольких столбах, что придает им вид сказочных избушек на курьих ножках. Самые селения, находящиеся обыкновенно на возвышенном берегу реки, по большей части весьма незначительны по количеству домов, число которых иногда не достигает даже

десятка. Особенно это заметно в тех селениях, где нет пришлых русских. Только села более значительны и имеют несколько десятков домов. Дома, довольно часто даже двухэтажные, расположены без всякого плана. Улиц не имеется, но около церкви в селах всегда оставляется площадь, по краям которой находятся общественные здания: школа, волостное правление, хлебозапасный магазин и дома причта.

С селением непосредственно граничит лес, обыкновенно сильно захлампенный и вырубленный. Тут же сваливается навоз и разный мусор. Вообще кондинский житель не бережет леса. Даже при самой незначительной надобности он выбирает лучшее дерево. В дело обыкновенно идет только нижняя наиболее топстая часть ствола, вершинник же, часто достигающий полуаршина в диаметре, оставляется гнить в лесу. Захлампенное пространство пропорционально величине селения, а потому по большей части незначительно. Только у одного селения, Богдановских юрт, нам пришлось видеть прекрасную вековую рощу из сосен и берез, начинающуюся около самого селения и тем не менее совершенно не рубленную и не захлампенную. Объяснялось это тем, что указанная роща считается священной (шайтанной) и ее боятся рубить не только остяки, но и русские.

Промыслы заставляют кондинского жителя удаляться от своего селения на значительное расстояние, почему на Конде вместе с постоянными — зимними — жилищами, существует значительное число изб, разбросанных там и сям по берегам и лесам этого малоплодного края. Охотники, занятые своим промыслом главным образом зимой, выстраивают иногда в наиболее часто посещаемых местах подобные избышки, служащие им для ночлега. Рыбаки, уезжающие на весеннюю и осеннюю ловлю рыбы, также выстраивают себе на постоянных местах ловли — песках и запорах — избы. Часто таких изб ставится вместе значительное число, и тогда образуется целое селение, которое получает название летних юрт, если избы принадлежат жителям одной вотчины. В настоящее время многие временные поселения сделались постоянными, другие же исчезли совсем. Иногда подобные селения являются общими для нескольких остяцких вотчин. Таков, напр., Варвант, находящийся на Большом Кондинском сору, верстах в 40 от устья. Сюда собираются для весенней совместной неводьбы жители нескольких селений, лежащих на нижней Конде и отделенных друг от друга десятками верст. То же самое надо сказать и о стерляжьих промыслах на самом устье Конды. В избах этих селений, большую часть года пустующих, обыкновенно находятся немногочисленные нужные для промышленников запасы.

Покосы, благодаря узким луговым местам, приуроченным к берегам рек, тянутся на большое пространство. Поэтому косьба, подобно промыслам, заставляет кондинских жителей уходить на значительное расстояние от места постоянного жительства. Если покосы находятся сравнительно недалеко, то владельцы их возвращаются на ночь обыкновенно в селения. Но часто, при отдаленности покосов, дома остаются только старики да малые ребята, все же остальные проводят время за работой, ночуя в самых примитивных палатках или землянках. Домой возвращаются обыкновенно только под праздники. То же самое происходит и при сборе брусники.

Агроном Севера — А.А.Дунин-Горкавич

А.С.Иваненко, Тюменский сельскохозяйственный институт

Было раньше в русском языке хорошее слово «радение» и производные от него «радеть, радетель». Современные словари приводят их с пометами «устар.» и «прост.», то есть «устаревшие и просторечные слова». А означало это слово: «усердие, старание, забота». Радетель — это человек, заботящийся о ком или о чем-либо, проявляя при этом усердие, старание, причем совершенно бескорыстно, не рассчитывая на чью-либо благодарность или пользу для себя.

В ходу было выражение «радетели Сибири». Так называли людей, которые беспокоились о развитии производительных сил этой части России, ее сельском хозяйстве и промышленности, о населяющих ее людях и природе, разрабатывали проекты освоения несметных сибирских богатств, проведения путей сообщения, сами работали над воплощением проектов в жизнь, находя и привлекая к делу единомышленников, часто вкладывая немалые личные средства. В «радетелях Сибири» «ходили» многие известные научные и общественные деятели, крупные промышленники и купцы.

К «радетелям Сибири» следует, несомненно, отнести и Александра Александровича Дунина-Горкавича, стараниями которого в начале XX века значительно распространилось на Тобольском Севере, как раньше называли совокупно территорию нынешних автономных округов — Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского, — овощеводство и картофелеводство.

Строки биографии

А.А.Дунин-Горкавич работал главным лесничим Самаровского лесничества. Теперь он основательно забыт земляками, ради которых старался обустроить эту неласковую землю, хотя в конце XIX — начале XX вв. был известен как крупный географ — пожизненный член Русского Географического общества; этнограф — член-корреспондент Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук (опубликовал около 40 печатных работ о жизни, быте и экономике коренных народов Тобольского Севера); специалист по лесному делу и пр., и пр... В 1926 г. Всесоюзная Академия причислила Дунина-Горкавича к разряду ученых общесоюзного значения с назначением персональной ежемесячной пенсии в размере 100 рублей — значительные в то время деньги.

Биографические сведения об А.А. весьма скудны. Он родился 10 апреля 1854 г. в селе М.Рожаны Гродненской губернии в семье помещика. Учился в гимназии г. Гродно и Лисинском лесном училище под С.-Петербургом. С 1873 г. работал в должности лесного кондуктора (заместителя лесничего). В 1875 г. по жребию пошел на русско-турецкую войну и участвовал в освобождении Болгарии от османского ига. После работал в лесах Рязанской, Самарской, Нижегородской губерний. По личному прошению был направлен в Тобольскую губернию заведующим Самаровским лесничеством, состоявшем из трех дач: Березовской, Самаровской и Сургутской.

В конце лета 1890 г. прибыл в Тобольск, а потом к месту работы в Самарово. Г. последующем он жил в Сургуте и Тобольске, где и умер 9 января 1927 г.

Из всей многогранной деятельности А.А.Дунина-Горкавича на нашей земле здесь будут обсуждаться только его агрономические работы. Как он — лесовод — стал агрономом Севера? Получилось так, что в самом начале XX в. в южной части Тобольской губернии уже работало несколько агрономов, а на обширном пространстве Севера таких специалистов не было. В 1909 г. он взялся руководить по совместительству агрономической службой Березовского и Сургутского уездов. К этому времени он уже хорошо изучил состояние дел в северном земледелии губернии. Путешествуя по Северу по делам службы, он везде интересовался состоянием огородничества и полеводства. Об этом есть сведения в огромном трехтомном труде А.А.Дунина-Горкавича «Тобольский Север».

«Вначале было слово»...

В 1907 г. губернская типография издала брошюру, где он обсуждал возможность возделывания сельскохозяйственных культур на Тобольском Севере. А.А. приводит примеры, факты об успехах земледелия на Севере: работы отца Ивана Тверитина из с. Юганского, есаула Невзорова из Сургута, заведующего работами по устройству Сибиряковского тракта Вроблевского из Саранпауля, обсуждает климатические факторы края и их влияние на произрастание культурных растений. В заключение делает вывод о возможности земледелия даже в северном Березовском уезде и объясняет, почему оно теперь не развивается: земледелие пока невыгодно по сравнению с другими промыслами — ловлей рыбы, сенокосом. К тому же население в основном не имеет даже представления о хлебопашестве, о сельхозорудиях. «По моему мнению, — писал Дунин-Горкавич, — в настоящее время единственно что возможно, это позаботиться об огородничестве, в развитии которого население действительно нуждается, тем более, что огородничество могло бы служить переходной ступенью к хлебопашеству и со временем развить в населении мысль о последнем».

Для этого он предлагает устроить опытные огороды при участии учителей, священников и других заинтересованных лиц по Оби от Самарова до Березова, по р. Ляпину, в пос. Саранпауль. Сюда надо дать семена, сельхозорудия, расходы должно взять на себя государство «пока население не научится само вести огородные культуры»... В Березово А.А. считал необходимым создать опытный огород.

Научно обоснованный оптимистический вывод о возможности земледелия на Тобольском Севере был сделан Дуниным-Горкавичем впервые в агрономической литературе России.

В том же 1907 г. он пишет брошюру «Наставление к ведению огородной культуры на Севере», где подробно рассказал о правилах устройства огорода: как выбрать место, разделить на участки для севооборота, удобрить, обработать почву, устроить парники, рассадники, паровые (навозные) гряды, советует сеять не на ровной поверхности, а на грядах, рекомендует способы подготовки семян к посеву, выращивания рассады, уборки и хранения овощей. К выращиванию на Севере в рассадной культуре советует тыкву, огурец, капусту кочанную и цветную, томат; посевом в грунт: брюкву, свеклу, морковь, редьку, репу, редис, петрушку, лук, кольраби, горох, бобы, салат, укроп, картофель — то есть практически все основные овощи, характерные для средней полосы России. Эта брошюра издавалась несколько раз в 1907—1910 гг.

Потом было дело...

Для желающих заняться овощеводством на Севере Дунин-Горкавич закупил и бесплатно раздал 151 комплект огородных семян. В качестве консультантов для начинающих огородников на лето 1907 г. были приняты два практиканта и один учащийся Тобольской сельхозшколы, приобретены орудия и машины. Разработан, отпечатан и разослан огородникам «опросный лист» для сообщения результатов своих первых упражнений в овощеводстве.

Летом этого же 1907 г. он проехал на пароходе по Иртышу и Оби до Обдорска, осмотрел состояние огородничества в крупных селах и у тех людей, кому выслал семена. Он убедился, что во многих селах даже на дальнем Севере население прилежно занимается овощеводством, но везде преобладает вопиющая агрономическая неграмотность, население не знакомо с сохой, не говоря уже о плугах, боронах, простом ручном огородном инвентаре.

Посланные на Север инструкторы летом 1907 г. демонстрировали населению приобских сел различных конструкций плуги, сенокосилки, конные грабли, точила, ручной инвентарь. Они регулярно объезжали села и давали людям консультации по уходу за растениями. Из отчетов Дунина-Горкавича известны фамилии этих носителей в народ агрономических знаний: это В.Ф. Николаев, инструктор, и его помощники В.И. Капустин (оба окончили Тобольскую сельхозшколу) и учащийся этой школы С. Григорьев.

В 1908 г. по ходатайству А.А. и губернских властей Департамент Земледелия России отпустил средства для развития овощеводства на Севере. На них в Перми закупили 504 комплекта семян для продажи и бесплатной раздачи населению, 8,75 фунта бобов, 10 фунтов подсолнечника, 8 пудов ячменя и 60 фунтов смеси семян клевера с тимофеевкой (бесплатно для опытного посева). К семенам прилагались опросные листы, бесплатно роздано населению 270 экз. «Наставления к возделыванию огородной культуры» — брошюры Александра Александровича. Во все крупные села Тобольского, Сургутского и Березовского уездов были посланы бесплатные коллекции огородных семян, в Саранпауль — 5 пудов ячменя и 37,5 фунтов клевера для раздачи на посев населению. Для Севера был закуплен и отправлен семенной картофель, так как свой местный картофель в сырое лето 1907 г. сгнил к весне, садить было нечего.

Опытные поля на Севере

В 1907 г. в Березово Дунин-Горкавич организовал опытное поле, оно было с осени вспахано, а весной 1908 г. посеяли два пуда ячменя, лен, овес. Семена клевера раздали населению, а также владельцу товарной молочной фермы в Березово Шахову. Для северян А.А. приобрел также 7 плугов Воткинского завода марки РСЗ и 13 борон для демонстрации в работе и изучения устройства в приобских селах.

Лето 1908 г. было сырое и холодное, поэтому не везде овощи и ячмень созрели. На Березовском опытном поле овес и ячмень убрали 20 августа недозрелыми, лен у трех хозяев получился вполне хороший, а клевер с тимофеевкой взошли плохо. «Что же касается ячменя... в зырянском селении Саранпаульском... то результаты оказались поразительными. Ячмень в количестве 5 пудов 36,5 фунтов был роздан 37 домохозяевам, которые посеяли его на 625 кв. саженьях. Снято было 60 пудов 1 фунт, что составляет в среднем сам — 12. Наибольший урожай был в одном случае сам — 15, а наименьший — сам — 8... Этот опыт указывает, что хлебопашество в западной части Березовского уезда возможно и что культура хлебов может служить подсобным занятием к основным промыслам...»

В 1909 г. обстоятельства сложились так, что не было средств и людей для работы на Севере, однако Дунину-Горкавичу удалось разослать по приобским селениям бесплатно и за плату 500 комплектов огородных семян. Опросные листы принесли сведения, что «в с. Шеркальском Березовского уезда десятью лицами было высажено 94 ведра картофеля и собрано 915 ведер, что составляет в среднем урожай сам — 10. Наибольший урожай в одном случае был сам — 16, наименьший — сам — 5... В с. Няксимвольском один хозяин собрал урожай ржи сам — 11, средний колос содержал 36 зерен, которые хорошо созрели. В Березово на опытном поле сеяли ячмень и овес, урожай был соответственно сам — 6,5 и сам — 3,7.

По ходатайству Александра Александровича Департамент Земледелия России отпустил средства на должность инструктора по огородничеству для Севера Tobольской губернии с 1 октября 1909 г. Управление государственных имуществ решило взять на эти деньги (1200 руб. в год) двух человек и отправить в распоряжение Дунина-Горкавича на Север: одного специалиста для Березовского уезда, другого для Сургутского и Самаровской волости Tobольского уезда. Так в 1910 г. на Севере губернии появилась агрономическая организация в составе самого Дунина-Горкавича и двух инструкторов по огородничеству: в Березовском уезде работал уже знакомый нам В.И.Капустин, в Сургутском — Г.И.Денисов.

В 1910 г. В.И.Капустин на опытном поле в Березово проводил исследования над овощными культурами в парнике и открытом грунте. Сеял картофель, зерновые злаки, устроил огород при городском училище, ознакомил с открытым участком учеников березовских школ, демонстрировал жителям города в работе сенокосилку, конные грабли, плуг, наждачное точило, походный маслозавод. Опытный огород занимал площадь 734 кв. сажени. К этому времени в Березове больше половины домохозяев имели огороды, несколько человек имели парники и паровые гряды, цветники. Женщины-зырянки по найму обрабатывали огороды обывателям.

Инструктор Г.И.Денисов нашел под Самарово место для опытного огорода в 5 км. от села у протоки Горной, подробно обследовал заимку тамбовского крестьянина Панкратова, осевшего в 1909 г. в 14 км. от Самарово в урочище Еловый остров между протоками Байбалаковой и Ванзыковой. Панкратов занимался земледелием. На двух десятинах и 104 кв. саженьях имел пар, сеял рожь, лен, табак, коноплю, овес, ячмень, пшеницу; на огородном участке имел паровые гряды с огурцами и арбузами, в грунт семенами сеял морковь, свеклу, брюкву, кольраби, репу, редьку, редис и капусту. Картофель был местный и выписной сортов Снежинка и Деликатес, их посадили каждого по 10 фунтов, а собрали по 2,5 пуда.

Инструктор демонстрировал в Самарово походный маслозавод, ручной сенной пресс, лодочный подвесной мотор.

В 1910 г. спрос на семена для огорода резко возрос, и Дунина-Горкавич разослал 750 комплектов, а также клубни местного и выписного картофеля, который получали по заказу почтой от семенных фирм Перми, Екатеринбургa, Томска.

Что сеяли на Средней Оби...

Инструктор Г.И.Денисов в 1911 г., сплавляясь в лодке вниз по Оби, обследовал все селения на ее берегах от границы с Томской губернией до Самарово. Он отметил, что с 1886 по 1911 г. прибавилось русское население в южной части Сургутского уезда. Многие крестьяне приехали с надеждой заняться земледелием, привезли с собой сохи и железные зубья для борон, но земледелием не занимаются не только из-за суровости местного климата и залесенности края, но и резко отрицательного отношения к земледелию местного коренного населения — остяков (хантов), которых поддерживает местная администрация.

По тогдашним законам, поселиться пришлому можно было только с разрешения местного населения. За это надо было платить, а потом еще ежегодно оплачивать аренду рыболовецких угодий, охотничьих участков и разработанных под пашню. Александр Александрович описывает случай в Покуре. Летом 1911 года туда приехали пять крестьянских русских семей, нашли подходящую гать и стали ее корчевать. Однако цинга вынудила их уехать. Летом 1912 г. местный кузнец продолжил расчистку гари и посеял 10 фунтов ржи. Прибывший в Покур становой пристав увидел пашню, вызвал к себе кузнеца и разъяснил ему, что он не имеет права расчищать землю и огораживать ее, так как эта земля инородческая. В то же время сами остяки огородов не заводили.

В Сургутском уезде из 26 русских поселений в 11 огородах не было, а в 15 пунктах у большинства хозяев огороды были как у домов, так и отдельно за селениями. Работали лопатой и граблями, сохой пахали только в одном поселении. Для удобрения песчаной почвы вносили навоз. Рассадку огурцов выращивали в домах. Картофель перед посадкой разрезали, сажали через 0,5 аршина (примерно 35 см.), за лето два раза окучивали. Особенно прилежно занимались огородами крестьяне Лумпокольской волости, они выписывают семена сами из Томска и Перми, кроме того, в 1911 г. получили от Дунина-Горкавича 199 комплектов семян бесплатно. Все овощи удавались хорошо, кроме капусты, которая не давала кочанов.

Некоторые крестьяне выращивали различные овощи. Лесной объездчик из Покура Кондаков в 1911 г. выращивал в огороде огурцы, тыкву, томат, репу, морковь, кольраби, свеклу, редис, редьку, брюкву, лук, укроп, картофель. Овощи крестьяне зимой хранили в домах в подвалах или в отдельных ямах глубиной в сажень, размером 4х4 аршина. В яму ставили сруб высотой 2,5 аршина, сверху — деревянный настил и подсыпка из земли выше уровня почвы: почти на аршин (72 см.).

В г. Сургуте огороды имели все хозяева как у домов, так и за городом на отдельном общем поле в южной части города. Один из горожан Т.И.Миронов с 1910 г. имел огород 0,5 десятины за р. Саймой. Он был ранее знаком с практикой огородничества и выращивал очень разнообразные овощи: бобы, горох, редис, салат, петрушку, морковь, репу, брюкву, редьку, кольраби, сельдерей, шпинат, лук порей, капусту Брауншвейгскую позднюю, Эрфуртскую раннюю, Чудо Америки, огурцы, томат, тыкву.

В 1911 г. Т.И.Миронов дополнительно выращивал турнепс, репу, брюкву, свеклу и зерновые хлеба: овес, просо; гречиху. В 1912 г. была сделана успешная посадка огурцов семенами в грунт 25 мая, урожай получили через 52 дня.

Зимой 1912 г. Дунин-Горкавич возбудил ходатайство об отводе земли в Сургуте под опытный огород. Собрание уполномоченных г. Сургута 20 мая 1912 г. решило отвести для этой цели 1,5 дес. земли бесплатно на три года. Вести работы на огороде поручили Т.И.Миронову. Летом участок огородили, сюда доставили одноконный плуг Шварцгофа, борону с железными зубьями, пуд семян пшеницы, 10 фунтов льна, четыре пуда овса и необходимые семена.

... И в Березово

Березовский уезд был обследован до Обдорска. В Кондинской волости имелось 4 отличных огорода в Кондинской женской обители (монастыре). Там был также цветник, парники, рассадники, на грядах разводили землянику, применяли прополку и полив, огороды пахали сохой Иванова №2, боронили. Картофель везде давал хорошие результаты, его хватало на зиму, а из с. Шеркальского продавали в Березово. Урожай сам — 10 считался обычным.

В самом Березово из 127 домохозяев имели огороды 75, но только на 15 огородах выращивали разнообразные овощи, имелись парники, паровые гряды и рассадники. Все овощи, кроме тыквы и капусты, давали хороший урожай, некоторые хозяева даже солили на зиму свои огурцы.

Дунин-Горкавич отмечал, что в Березово в 1912 г. по сравнению с 1907 г. явно наблюдается прогресс в земледелии: увеличилось число людей, занимавшихся огородничеством, выросли площади, улучшилась агротехника, более разнообразны стали овощи, а в некоторых огородах появились кусты малины и смородины. Здесь появились любители цветов: выращивают резеду, анютины глазки, астры, петунию, бессмертники, левкой и лобелию, а также местный цветок «Марьины короны» (речь идет о таежном лекарственном растении пионе уклоняющемся, известном под названием «Марьин корень». — А.И.).

В 13 км. от Березово на Шайтанском мысу поселились 7 зырянских семей. Они завели общий огород в одном поле, который делили каждую весну поровну на участки. Почву удобряли навозом. В 1911 г. сеяли ячмень и получили хороший урожай. Даже в Сосьвинской волости в 4 русских поселениях и зырянских на 33 домохозяев имелось 30 огородов.

Подведение итогов

В 1912 г. А.А.Дунин-Горкавич подготовил подробный доклад о состоянии сельского хозяйства на Тобольском Севере. Он был издан отдельной книжкой в 104 стр. текста и 38 стр. таблиц с разнообразными сведениями. Доклад был обсужден на пятом Тобольском губернском Агрономическом совещании 13 — 20 февраля 1913 г. Александру Александровичу было что рассказать агрономической общественности губернии: от теоретических предположений о возможности огородничества на Севере он перешел к практическим делам, организовал два опытных огорода, начал формировать третий, обзавелся энергичными помощниками и т.д. и т.п. Именно благодаря его кипучей деятельности начало приживаться на Тобольском Севере огородничество и картофелеводство, бурно развившееся в 30 — 50-е годы XX века.

После 1913 г. вопросами северного земледелия он не занимался и научных работ о нем не публиковал.

Эпилог

Возвращаясь к личности самого Дунина-Горкавича, следует добавить, что после Октябрьской революции, уже находясь в преклонном возрасте, он работал научным консультантом в разных организациях Тобольска, так как лучше его вряд ли кто знал Север до самого Ямала.

После смерти он был основательно забыт в тех местах, где так активно работал и о процветании которых неустанно заботился. В Тобольске, где он жил в последние годы в доме, подаренном ему правительством по ул. Б. Октябрьской, д. 5а, нет мемориальной доски. Никак не отмечено пребывание этого человека в Сургуте и Самарово, ставшем Ханты-Мансийском. В Тобольском краеведческом музее, коллекции которого Дунин-Горкавич постоянно пополнял своими подарками, приобретенными в частых поездках на Север, до недавнего времени был небольшой планшет об Александре Александровиче и не более того.

Литературы об А.А.Дунине-Горкавиче практически нет. По несколько строчек отводят ему биографы г. Тобольска Д.И.Копылов и Ю.П.Прибыльский, Магидовичи И.И. и В.И. в 5 томе «Очерков по истории географических открытий», Сибирская Советская энциклопедия. В сборнике документов «Наш край в документах и иллюстрациях» есть несколько страниц об Александре Александровиче и его портрет. Бывший преподаватель Тюменского педучилища Г.А.Полозкова написала о нем книгу об А.А., но издать ее не удалось. Советские энциклопедии и словари вовсе не упоминают об А.А.Дунине-Горкавиче.

Пусть эти строчки воскресят имя Александра Александровича Дунина-Горкавича в памяти его потомков, нынешних жителей так называемого ранее Тобольского Севера — Ханты-Мансийского автономного округа.

Аборигены

Недавно в библиотечке журнала «Югра» вышла в свет книга К.В. Гарновского «В Кондо-Сосвинском заповеднике». В нее вошли воспоминания о работе в заповеднике в военные 1941 — 45 годы и стихотворения, выпущена она при финансовой поддержке администрации Советского района. Предваряя чтение самой книги, предлагаем читателю фрагмент заметок Е.В. Дорогостайской, подготовившей литературное наследие мужа к печати.

В начале Отечественной войны нас, ботаников, научных сотрудников заповедника по приказу из Москвы уволили, а на месте зачислили в охрану заповедника — в «наблюдатели» на Ханлазинский кордон. Там мы провели одну осень и зиму. Время от времени выходили на лыжах вдоль границы заповедника, охотились. В 2 км. от нас имелось хантыйское поселение. Постоянно там проживала только «царица» хантов Ефимья Дунаева, вдова старейшины рода Дунаевых с семьей. Она обладала огромным авторитетом у аборигенов, держала себя как истая царица (хотя и именовалась всеми «Ахимкой»). Нас она удостоила посещением лишь однажды, на несколько минут. Навещали нас внуки ее — 16-летняя Фекла и 10-летний Кирилл. Фекла выпрашивала у меня яркие лоскутки для отделки меховых изделий (впоследствии стала портнихой в Игриме), она и научила меня шить кисы и рукавицы с хантыйским узором. Часто появлялся у нас Кирилл (всегда бегом). Тот говорил по-русски хорошо и отличался большой любознательностью. Жадно рассматривал «картинки» в книгах и журналах и все спрашивал, спрашивал... Внимательно слушал мои пояснения и рассказы. Я охотно с ним общалась, но вот выучить его грамоте как-то не догадалась, что ли... (В школу, в интернат его Ахимка не пустила). Если б я знала тогда, что дружба наша продлится до конца наших дней!

Как-то Кирилл передал нам приглашение: у них гости, добыли лося, будет пир! Пришли мы и видим: наш друг Кирилл гордо восседает за общим столом с мужчинами. Потеснились, позвали Кронида, но не меня. Меня поманили к чувалу (очагу) женщины. Жирный был лось, и все лакомые куски — нежное мясо, внутренности и в особенности деликатес — лосиные губы, передавались женщинами из котла на мужской стол, мы же, «бабы», глодали какие-то ребра. Я делала знаки Крониду, чтобы он сунул в карман хоть кусочек губы для меня, но он, увы: не решился. Да, вот такой почет был у хантов мужчинам в ущерб женщинам. И почему бы это? Охотились у них женщины не хуже мужчин, точно знаю. Восток? Не такой уж Восток... Но и не Запад с его средневековьем.

Проявлялось это и в другом. Есть у р. Малой Сосьвы в одном месте изгиб, где река обходит большое повышение, называемое Святым Мысом... Едешь около него на лодке с русскими или татарами — если надо, спокойно выходишь на берег. Если же в лодке есть хоть один хант, тогда выход на берег для женщин воспрещен, сами же русские останавливают, что обычай хантов — не «поганить» святой земли женской ногой.

Случилось нам и «не уважить» обычай аборигенов. Пришли в их поселок, а там недавно старая хантка Татьяна умерла. В ее стоявшую на отшибе «юрту» (избу) не то что войти, и близко подойти никто из жителей поселка не смел в течение довольно большого срока. Нам же не воспрепятствовали войти и жить в избе несколько дней. Только дивились нашей «котваге». Мы же злоупотребили доверием: кое-что из интересного татьянина обихода уворовали — не для себя, для Ленинградского Этнографического музея. Туда и сдали.

О религии аборигенов. Был такой странный случай... Они ведь, пожилые, все крещеные. До революции ездил по поселкам священник, крестил всех подряд и имена русские давал им. Их это мало интересовало.

Невысокий «святой лабаз» хантов («избушка-на-курьих ножках») стоял недалеко от оз. Хане-тув, где мы с Кронидом долго работали. К лабазу почти не подходили — «не положено». Это только «старший в роде» имеет право открывать лабаз и положить туда что-нибудь, например, охотничье снаряжение, чтоб оно потом без промаха било, или же дорогие подарки «богам» — деньги, золото, украшения. Мог он и забрать все это обратно, если потребуется (своего рода сберкасса). Мог изредка угостить «богов» водкой, колбасой и проч. на отдельном для того сооруженном одноногом столике. Мы самих идолов никогда не видели.

И вот случилось однажды — пропали идолы, пустым оказался лабаз. Кто взял? Гадали, гадали, да так и не отыскали вора.

Долго ли, коротко ли, а пришлось нам с Кронидом жить на кордоне Нех-сапр, работать вокруг него. Однажды была там необыкновенно сильная гроза. Мы скрывались в избе и вдруг слышим страшный грохот над нами. Выскочили, глядим, а это крышу у нас снесло ветром или скорее громадной сосной, росшей невдалеке от нашего дома, она рухнула на него. Она же в щепки разнесла новенький промысловый лабаз, недавно выстроенный и запертый на большой замок Ванькой Савельевым, жившим не очень далеко от Нех-сапровского кордона. Что в лабазе, мы не знали, а вот и довелось узнать. Несколько поленьев с грубо намалеванными на них лицами, разряженные в куски ярких, красивых лоскутов и с конусовидными колпачками и шапочками на головах, валялись на обломках лабаза. Так вот выглядели хантские «боги». Освободившие себя? Не знаю. Мы их, конечно, подобрали и передали куда следует. А паренек этот, Ванька, незадолго

перед тем забранный на фронт и хваставший, что «Меня-то? — никакая пуля не возьмет! Это я твердо знаю!» — был, как мы узнали позже, сражен одной из первых, чуть ли не первой из пуль, направленных в него.

Время шло. В мае 1945 г., вскоре после Дня Победы, мы покинули заповедник. Ехали на большой лодке (неводнике), и почти вся компания с ружьями. Подъезжая к поселкам, вставали, поднимали ружья и стреляли вверх. Салют! Так нас и понимали в поселках, ведь все этого ждали, но только в заповеднике была рация, а в поселках нет.

Потом мы работали в других заповедниках, а с 1953 г. обосновались в Ленинграде. И там в 1976 г. к нам явился замечательный человек, сын писателя Феликс Робертович Штильмарк, который делом жизни избрал восстановление в нашей стране заповедников, закрытых Сталиным в 1951 г., а также открытие новых заповедников. Он предложил сотрудничать с ним в воссоздании Кондо-Сосвинского заповедника, на что мы с радостью согласились и в течение нескольких лет занимались этим.

В 1979 г. прибыли мы в заповедник, называвшийся теперь «Малая Сосьва», и были радушно приняты коллективом его молодых сотрудников. Обрадовано то, что ряд аборигенов работает уже в штате заповедника, в частности, Петр Сумрин — егерь (по-старому «наблюдатель») на Белой Горе, самом трудном кордоне, через который в заповедник стремится основная масса браконьеров. А Хангакурт, где когда-то жили мы и находилось управление заповедника, теперь центральный пункт заповедника, здесь осуществляется общий надзор за охраной и научной работой, и там главный «начальник» — Кирилл Андреевич Дунаев! Он и встретил нас на катере на р. Ем-Еган, куда мы очень быстро дошагали, прыгнув с идущего в сторону Оби поезда.

Нас многое поразило в заповеднике, прежде всего наши друзья-аборигены. Петр встретил нас уже на поезде: такой солидный, обстоятельный мужчина (между прочим: более 20 медведей пали от его руки при встрече с глазу на глаз). Три сына у него, старший хочет сменить отца, другие мечтают о «культуре».

А Кирилл? Неграмотным так и остался. Однако толковый, распорядительный человек, хороший фотограф и в моторах разбирается. Составили мы с ним «родословное дерево» всех живущих окрест аборигенов — Дунаевых, Езиных, Ячигиных, Маремьяниных — все родственниками оказались. Встретили нас, как родных, как и мы встретили Кирилла, прибывшего через год в Ленинград. С прежней любознательностью бросился он осматривать город. 9 музеев мы с ним посетили и еще множество всяких учреждений. И везде я фотографировала его — его же аппаратом, а потом он прислал мне фотокарточки. Жена Кирилла Паша очень разговорчива, в особенности охотно рассказывала о своих охотничьих успехах в молодости.

Сильно болел Кирилл в последнее время, не знаю, жив ли. Работу его исполняет, и отлично, сын его Павел, который тоже недавно приезжал ко мне с русской женой своей и дочкой. А Петр Сурмин погиб от шаровой молнии. Не сразу погиб. Жена в землю зарыла — очухался. Но с тех пор все болел и вскоре умер.

«Многое вспомнишь, давно позабытое, глядя задумчиво в небо широкое...» Вот и Кронид умер в 1988 г. За его прахом приехали из «Малой Сосьвы». В 1989 г. я снова (в 4-ый раз) ездила туда, видела памятник Крониду, стоящий высоко над Хангакуртом, над рекой Малой Сосьвой. Несколько сотрудников сооружали его, специально приезжал сын прежнего директора и организатора Кондо-Сосвинского заповедника В.В. Васильева.

На снимке: Ефимья Дунаева («Ахимка»).

Юбилейный сборник

Обзору 25-го выпуска «Просвещение на Крайнем Севере» предпослана такая рубрика потому, что книга далеко выходит за рамки чистой педагогики и освещает тему просвещения в общекультурном плане, рассматривает весь процесс духовного развития малочисленных народов Севера в связи с социально-экономическими изменениями в регионе. Отсюда широкий спектр исторических, этнографических, географических сведений, полезных не только работникам народного образования, но и всем читателям, особенно северянам.

Вступительная статья «Равные среди равных» написана покойным М.И. Монго (Красноярск) и касается общих проблем Российского Севера и его аборигенов.

Основной раздел, одноименный с названием издания, тоже имеет свою вводную публикацию «Возрождение народов Севера». В ней З.Н. Пикунова конспективно рассматривает историю освоения региона и его современные проблемы. Одну из них, языковую, автор разбирает более подробно на примере Эвенкийского округа. Примечательно, что не в пример другим автономным округам, где преподавание родных языков ведется лишь в начальных классах, эвенкийский изучается как один из учебных предметов с первого по девятый класс. Разработан и полный курс литературного родного языка с комплексом учебников для указанных классов. Подготовлен также факультативный курс эвенкийского языка для старшеклассников с профессиональной ориентацией на терминологию традиционных отраслей.

Предлагается статья — очерк Ю.А. Шабалина «По звону оленьего колокольчика» о становлении школы в Эвенкии, об учителях-первопроходцах и новаторах.

Известная исследовательница ненцев Л.В. Хомич рассматривает языковую ситуацию в связи с проблемами школы, А.Ф. Макеева ставит проблемы школьного краеведения на Камчатке.

Общее для этих четырех материалов — богатый исторический экскурс, предшествующий интересным и полезным выводам и постановкам задач. Заканчивается раздел статьей психолога В.С. Мухиной о формировании самосознания личности школьников, интересной не одним специалистам.

Другой, собственно педагогический раздел целиком отведен языковым вопросам. Это общерегиональная статья «Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на современном этапе» (авторы В.А. Роббек и Д.М. Носилов). Исследование научного сотрудника Российской Академии Наук А.Н. Бурыкина «Языки народов Крайнего Севера как средство общения, предмет преподавания и объект научного исследования» сопровождается в отличие от других публикаций солидным научным аппаратом.

Публикуются отдельные материалы по эвенкийскому и долганскому языкам. Известный чукотский писатель Юрий Рытхэу поэтично рассказывает о своем опыте изучения им русского языка и его значении в собственном творчестве. С языковыми проблемами аборигенов зарубежного Севера можно познакомиться по информации о международной конференции «Грамотность и языки народов Севера», состоявшейся в Канаде.

В большом разделе «Литература и искусство» со статьями общерегионального плана выступает писатель В.М. Санги и ученый Ч.М. Таксами. Е.Н. Самойлова знакомит с подробным исследованием жизни и творчества замечательного поэта Леонида Лапцуя. Более скромные по размерам публикации посвящены первому профессиональному писателю Ямала коми Ивану Истомину (автор Л.Гладкая) и мансийскому русскоязычному поэту Андрею Тарханову (автор А. Мищенко).

Искусствовед из Ханты-Мансийска М.В. Кайгородова сделала довольно подробный, высокопрофессиональный и легко читаемый анализ своеобразного творческого пути хантыйского художника Геннадия Райшева.

Особый интерес у краеведов вызовет раздел «Эстафета подвижничества». Тюменский журналист А. Омельчук обстоятельно рассказывает о трех «рыцарях Севера» — писателе и путешественнике начала века К.Д. Носилове, лингвисте и этнографе 30-х годов Г.Д. Вербове и нашем современнике — юкагирском поэте и ученом Гаврииле Курипове.

Среди героев очерков первый чукотский учитель И.И. Тавро (автор И. Поломошнов), хантыйский учитель И.Н. Каскин (автор А. Сенгелов), старейший преподаватель факультета народов Крайнего Севера РГПУ имени Герцена Н.И. Гладкова, добрая фея — хранительница ненецкого языка, фольклора, народных обычаев, кандидат филологических наук, заслуженный учитель России Е.Г. Сусой.

Думается, полноправно претендуют на подобное жизнеописание и другие просветители и подлинники «культуртрегеры» Обского Севера, в частности, лично известные мне: автор первого хантыйского букваря Петр Ефимович Хатанзеев, первый ненецкий драматург Иван Федорович Ного, зачинатель хантыйской литературы Григорий Дмитриевич Лазарев, ненецкий поэт Иван Антонович Юганпелик, мансийский художник и фольклорист Петр Ефимович Шешкин, ныне здравствующие первый ненецкий композитор Семен Николаевич Няруй, хантыйский поэт и прозаик Роман Прокопьевич Ругин, основатель хантымансийского ансамбля «Миснэ», преподаватель музыки Галина Николаевна Шустова-Ермакова, известный исследователь и постановщик ненецких, хантыйских и мансийских танцев Виктор Павлович Ипатов.

Заключительный раздел сборника «Поэзия и проза» — своего рода альманах произведений местных авторов. Из поэтов объемнее а всех представлен мой старый друг Василий Ледков (Нарьян-Мар), рецензировать творчество которого довелось тридцать лет назад. Случилось так, что он приехал в Салехард и помог мне озвучить эту газетную рецензию по ямальскому радио. Мы рядом сидели в студии — я читал текст, он — свои стихи и цитаты. Никогда не забуду — юный, тонкий, вихрастый, подвижный, с горящими глазами — он начал эту передачу: «Пускай от песен, спетых мною, на реках не растают льды. Не песни это, а тролою оленя вяжутся следы. Они зовут меня к вершинам далеких гор, в далекий край. Земля моя, скорей от сына любовь и сердце принимай!» А какие были метафоры и сравнения: «олени в ручье торопливо выпивают остатки зари...» В сборнике уже другие стихи, и радостно, что песни поэта незатухающе звучат и становятся еще прекраснее. Несомненно, творчество автора тоже претендует на анализ в следующих выпусках «Просвещения...»

Остается только поблагодарить составителей книги А.Л. Бугаеву и Е.Н. Саймолову, издательство «Просвещение» (С.-Петербургское отделение) и спонсора Госкомсевер России.

Новомир Патрикеев, журналист, заслуженный работник культуры России.

Владимир Плесовских

Земля в наследство

(Из неоконченной повести)

• Мотор будто оглушили по головке блока цилиндров. Тишина.

— Опять прокладка! Шестая. Хорошо — запаску с собой беру. Располагайтесь, граждане пассажиры... часз на два.

И, не пытаясь завести двигатель, водитель начал раскладывать инструмент для ремонта.

— Помогать надо?

— Нет, это я сам...

А что делать «гражданам пассажирам» в безлюдном, еще не освещенном утренним солнцем ущелье? Один из них — главный геолог экспедиции — уткнулся в какие-то карты, в блокнот с расчетами, а второй, Сергей Николаевич, прикинув на глазок высоту горы — ее местные жители называли «плешивой», — начал «восхождение». Конечно, это была авантюра, но кто про себя знает, где кончается здравый смысл...

Он часто останавливался, переводя тяжелое дыхание, но снова шаг за шагом карабкался вверх. Забыл и опасность стенокардии, часто повторяющейся в последние годы, и строгий наказ лечащего врача: «без передышки — не выше третьего этажа». Для тренированного человека это и не гора даже, а «бугорок», а он осилил его за полчаса. Потом минут двадцать в голове стоял грохот, как у плоскочечатной машины, и в глазах мелькали черные оттиски рекламных литер.

Наконец, он открыл глаза, и ему открылась буйная панорама Приполярного Урала. Мрачные разломы ущелий, из которых ползли клочья тумана. Золотые в лучах утреннего солнца шапки Неройки и Народной. Ленты рек на серых скалах и Хулга — восточная граница предгорий. А дальше во всю ширь развернулась бескрайняя, безлюдная ляпинская равнина. Тайга, тайга, тайга. Великий художник — природа разбросала под хрустальным шатром неяркого северного неба жемчужины озер и платиновые змейки рек, утопила их в мягком бархате урманов и этим завершила свое неповторимое творение.

Это была заповедная земля, такая, которую он знал и любил с раннего детства. Не та, что в Среднем Приобье, исполосованная профилями, трассами дорог, трубопроводов, линий электропередач, плещинами буровых площадок и промыслов. Все это пока не дотянулось до предуральской тайги, и она жила своей жизнью.

Сергей понимал, что миллион тонн нефти в сутки — рубеж, на который вышла область, — даром не дается, но не слишком ли дорогой ценой платит за это природа. Ему, журналисту, ветерану округа, не раз приходилось воевать с теми, кто любой просчет пытался оправдать всеобъемлющим понятием: «надо». Конечно, надо добывать много нефти, ловить рыбу, заготавливать древесину, но весь вопрос в том, как это делать по-хозяйски. Стройкам не хватает леса, а отличная древесина гниет по обочинам расчищенных трасс, потому что ее вывозка никакими

проектами не предусмотрена. Нужна рыба, но она почему-то отказывается жить в реке, куда «случайно» сброшены сотни тонн нефти.

И побеждать приходилось далеко не всегда, мешало всесильное «надо», подкрепленное планами, графиками, проектами...

Еще редактором районки он выступил против строительства на правом берегу Оби Карханского леспромхоза. По проекту он должен был давать больше полумиллиона кубометров, но охотники-старожилы рассказали, что лет пятнадцать назад здесь была сплошная рубка для крупной северной стройки. Теперь нетронутым лес оставался только за семьдесят — сто километров от проектируемого леспромхоза. Но и это не все. Проект сохранял старую схему доставки леса: молевым сплавом по самым рыбным речкам, потом потокараванами до станции Лабытнанги. Способ привычный, но порочный. Многие плоты будут разбросаны штормами по обоим берегам, затонут, пропитается лес водой и потеряет свое качество «кондового». Всему вред: и лесу, и рекам, и стройкам, а главное полетят на ветер огромные средства и человеческий труд.

Опубликовал. Потом долго объяснялся по разным инстанциям, и всюду давали понять: фельетон вредный, поддерживает отсталые настроения местного населения; влез не в свое дело, и вообще это стратегия не районного масштаба... Устал от объяснений, нервотрепки и прямых угроз некоторых вышестоящих... и написал в «Правду». Приехала комиссия из заинтересованных ведомств. Летали над тайгой, фотографировали, ходили пешими маршрутами, считали, записывали. В райисполкоме сделали обстоятельный доклад с однозначным выводом: проектировщики не ошиблись, на каждом гектаре предназначенных будущему леспромхозу земель столько-то сосен, елей, пихт, лиственниц, кедров, осин, берез. Даже рябину, черемуху, и ольху не забыли.

— А почему для строительства рабочего поселка планируются поставки леса с других участков? Надо брать на месте, если его так много, — не утерпел Сергей.

Зал зашумел, одобряя остро поставленный вопрос, но ответа не последовало. Да и что мог ответить докладчик, если на десятки километров вокруг стоял только подрост. По количеству деревьев все было подсчитано верно, вплоть до полутораметровых елочек.

Потом рассматривали проект застройки. На ватмане он выглядел красиво. Двухквартирные коттеджи, школа на тысячу мест, больница, дворец культуры со спортивным залом и плавательным бассейном...

Прошло время. Поселок построили, заселили, но леспромхоза не получилось. Лесоучасток едва-едва поднялся на десятую часть проектной мощности, да и то с опозданием на три года, пока пробили дорогу к нетронутому массиву.

Немым укором смотрят на Сергея слепые окна пустующих домов всякий раз как он приезжает в Карханку. И совесть всегда напоминает об этом поражении. Будь у него тогда побольше опыта, он понял бы предельно простую суть случившегося: ошибка в первичных расчетах. Спасая честь мундира, проектировщики пошли на все, вплоть до обмана «Правды». К сожалению, представителя газеты на этом разборе не было...

Вспомнился и другой случай. Все, кому сейчас приходится приезжать теплоходом в Ханты-Мансийск, особенно осенью, недобрим словом вспоминают тех, кто выбрал место для пристани. Часами приходится ждать, пока теплоход на буксире подведут к причалу. Мель. Мощный песчаный остров отсекает пристань от фарватера.

Пассажирам невдомек, что этот остров — дело рук человеческих и появился он вначале маленьким «осередком» лет пятнадцать назад. В то время у рыбаков появился флот с большой осадкой, и возникла необходимость углубить дно возле пирса рыбокомбината. Поставили мощный землесос, а пульпу сбрасывали на середину Иртыша, на самую быстрину в надежде, что река разнесет ее. Но... ошибка в расчетах. Осередок с каждым годом стремительно рос, захватывая акваторию речного порта. Фарватер отодвинулся. Река всей своей мощью навалилась на левый берег, смывая его и подбираясь к жилым домам поселка Затон. Вот и возникли сразу две проблемы: перенос жилого поселка и полная перебазировка речного порта. А это — десятки миллионов рублей...

Все это пришло на память сейчас, когда Сергей всматривался в даль окоема и не мог отыскать ту черту, где теряется затянутая дымкой земля и начинается небо. Там, за щетинистыми гребнями увалов, спрятались Культбаза, Ломбовож, Сартынья — пристани его далекого детства.

Когда-то в молодости Сергей пытался писать стихи. Ничего из этого не вышло — поэтом нельзя стать «по собственному желанию», но кое-что, так, для себя запомнилось:

Мне кажется, я не был молодым.

Был мальчиком... и сразу стал седым.

Седел в тайге, когда я брел пешком

С ружьем и прокопченным рюкзаком.

В осеннем стане у родной реки,

Где, как и я, сидели рыбаки.

В кругу друзей, при виде горьких слез,

Когда почтарь нам похоронки нес

И, разделяя горе матерей,

Взрослей мы становились и седей...

Коль жизни соль хлебнули мы сполна

И рано въелась в душу седина,

Тому причина и тому вина

Одна — война.

Огненный вал войны прокатился далеко от этих мест, но пламя его было таким, что опалило открытые ребячьи души. На неведомый жизненный тракт сверстники Сергея шагнули рано повзрослевшими.

... Порыв ветра потрепал капюшон плаща, будто кто-то панибратски хлопнул по плечу. Сергей вдруг догадался, какая сила потащила его на эту вершину. Давным-давно он мечтал побывать на той тропе, по которой проходили в Югру первые ватажники-землепроходцы.

«Вот сейчас обернуться бы, а он рядом», — Сергей даже представил, как выглядел внешне этот далекий предок, о чем они могли бы поговорить. Ведь их разделяло тридцать пять поколений.

— Зришь?

— Любуюсь...

— Лепота!

— Красота!

И каждый в это признание внесет собственный смысл. Один — о щедрой красоте родного края, вскормившего и вспоившего его, а другой, оценивая красоту законченного дела.

— Постой! А откуда ты взялся? Кто ты?

— Господина Великого Новгорода мы хожалые люди. Вольница! А ль не слыхал?

— Понаслышаны, как же. Дошли и до нас истории богатого новгородского гостя Садко и твоего земляка Василия Буслаева...

— Садко?... Нам про него неведомо. Без нас объявился. А Буслаевичи — это и есть мы, вольница. Третье колено мы от него...

Дальше беседа не пошла, люди занятые, озабоченные — не до пустопорожных рассуждений.

Не простое любопытство подгоняло новгородца на вершину. После гибели вожака, нарвавшегося на самострел еще на земле биармов, ватажники передали ему подорожные бересты: «веди». По их знакам отшагал он многие версты «встречь солнца»: верных товарищей потерял на неведомом пути, но перешел Каменный пояс, по руслам рек отыскал место, где можно одолеть громаду хребта и первым из ватажников увидел необъятную землю Югорскую.

Уставшие ватажники спали на дне ущелья, прижимаясь к теплему дыханию костров. Солнце еще не скоро дотянется до них, а он уже умылся золотыми струйками, подставляя лицо под поток ласковых лучей.

«...Теперь по верховью реки — на другой берег, — сверялся он по последней бересте, — обойти горушку справа и возле креста трех рек выйти на дол. До городища прежней ватаги — полдня ходу, если не разорили его югричи...»

— Сергей Николаевич! — донеслось снизу. — Спускайтесь с небес. Машина готова, едем!

Зарокотал мощный дизель артиллерийского тягача — незаменимого транспорта геологов в предгорьях Урала — и разогнал виденья.

— Ну, что Вы там увидели? — встретил Сергея главный геолог. — Историю... Вот здесь отдыхала ватага новгородцев, прошедших Щугорским перевалом. Я даже побеседовал с их вожаком...

— Богатая у вас, журналистов, фантазия... Это ведь было девять веков назад...

— Без фантазии нам не жить. А впрочем, она нужна всем, даже математику. И вам, геологам, без нее никуда... Ну, а если серьезно, юность свою пытался рассмотреть. Это ближе по времени, но тоже теперь достаточно далеко... Здесь я вырос.

— Вот как. Значит, не впервые в этих местах.

— В горы забираться не приходилось, а по рекам поднимался довольно далеко.

— Интересный край и не только с точки зрения геологов. Для нас это вообще неиссякаемый заповедник... Мне отец с детства внушил уважение к Уралу, как привязал. Я даже теперь путаюсь, где была, где легенда...

— Не раскаиваетесь? Все-таки вдали от большой культуры, от городского комфорта...

— Что делать геологу в городе? Стать чиновником от геологии. Это просто, но это уже не геология.

— Но есть ведь и наука...

— Есть-то она есть, но без нас она и шагу не сделает...

— Да, здесь что ни гора, то легенда или история, — согласился Сергей Николаевич. — Все наиболее могучие божества угров «выбирали» себе места повыше. Вот, как Неройка. Они предпочитали жить на вершинах. Целый хребет Урала называется «Молебный камень».

— Ойка сяхыли Эква сяхыл — старик-гора и старуха-гора...

— Вот, вот. Ходил даже слух, что на одной из таких же вершин спрятана знаменитая «золотая баба».

Тягач грохотал во всю мощь своих дизельных сил, оставляя в ущелье горьковатый хвост соляровой копоти, пока не выскочил на гребень перевала. После полумрака здесь необычно ярко светило солнце, рваные клочья тумана вытягивались из ущелья и мгновенно исчезали, подхваченные горным воздухом, подвижным, как ртуть...

«Историки как сговорились, — думал Сергей Николаевич. — Повторяя древние летописи, они утверждают, что новгородских ватажников манила Югра своими сказочными пушными богатствами и возможностью выгодного обмена. За оружие из железа югричи платили баснословно щедро... Сомнительная причина... От Новгорода до Урала, от Онежского озера до Камы — леса и леса. И зверья там было немало, и путь короче. На легкую наживу надеяться мог только тот, кто снаряжал ватагу, да и то с огромной степенью риска. Много ли мог пронести ватажник железа, чтобы его выгодно обменять? Тогда что же еще? Жажда завоеваний? Тоже нет.

Прокладывали первые тропы сюда не воины, а трудовой люд. Шли без расчета на вознаграждение за свои доблести. Полгода топтать «встречь солнца», полгода обратно. Нелегкий труд. Не сосчитать могил, в которых покоится прах не дошедших до Югры или дошедших, но не вернувшихся... Стоп! А почему «полгода обратно»? Скорее всего так: сюда — всей ватагой, а обратно — только небольшая часть. Остальные «сели» на Югорской земле, постепенно сливаясь с местным населением. Учили угров тому, что знали, и сами учились, как жить на новой земле... «Сесть», «село», «заселять»... «Заселять» — строить села и обживать их... Как это у Сельвинского?..

«Леса, леса, медвежьи да кабаньи.

Но все ж не зверем славится Сибирь.

С Днепра да с Дона, с Волги и с Кубани,

Где властвовал свирепый царь — упырь,

За Камень потянулись ходоки.

Они тайгу валили для дороги,

Сжигали пущу, ставили село.

И земли становились плодородней,

И маленькое счастье расцвело...

Сменялись, нарождались поколенья

И, уходя корнями в берега,

Незнаемое, кряжистое племя

Взошло породю сибиряка...

Что знаем мы о древней истории этого необъятного края? Практически — ничего. Археологи берут все более глубокие горизонты истории. Они-то и установили, что угры тоже не всегда жили на этой земле. Родина их предков на тысячи километров юго-восточнее. До них здесь обитали местные племена, о которых ничего неизвестно. В исторической литературе подробнее описан период после похода Ермака: колонизация, проникновение духовенства, торговцев, промышленников... А что там, в глубине тридцати — шестидесяти веков? Если верить легендам, то где-то здесь была знаменитая Гиперборея. Жили в ней счастливые люди, питавшиеся плодами деревьев и не употреблявшие мяса... Что это — фантастика или... следы памяти человечества? Каким же был климат, если земля в этой части планеты могла прокормить людей фруктами? Куда все это исчезло?

Когда и как это случилось? Где потомки гипербореев? Ведь не могли же они бесследно уйти с лица планеты... А может быть, маршруты первопроходцев и прокладывались по сведениям этих легенд?»...

...Водитель достал планшет с картой и отметил точку:

— Мы здесь... Туда — Европа, сюда — Азия...

— Знаю. Теперь...следи... по этому склону вниз и... вот сюда. Маленькая остановка вот здесь. Возьмем пробы. И до места.

Сергей Николаевич снова, как и на базе экспедиции перед выездом, подумал, что ему знакомо лицо этого человека, главного геолога, что где-то они встречались... И голос, голос. Он его слышал, и не один раз, не случайно где-то. Там, на базе, он представился просто: «Ляпин». Фамилия местная, но она ни о чем не говорила Сергею Николаевичу. Особого интереса главный геолог к приезшему журналисту не проявил. Видимо, брать попутчиков здесь было делом обычным. Да и просьба-то была пустяковая: забросить в промысловый отряд, а на обратном пути, если к тому времени не подоспеет вертолет, захватить до Саранпауля...

— Евгений Николаевич, а ребята не махнут через хребет? Вот, глядите, здесь самое удобное место...

— Нет, нет, Миша. Я договорился по рации. В любом случае они будут ждать у подножия Педы. Вот здесь между Турупьей и Сертыньей. Это часа 2 — 3 ходу. А по пути заскочим к промысловикам...

— Если уйдут, нам и за сутки не допилить по объездам. А так, ладно. Двинули?..

— Подожди минутку... Там внизу кое-где сохранилась лежневка старой дороги. Что это?

— Это трасса знаменитого хлебного тракта на Печору купца и промышленника Сибирякова...

— Я так и подумал. Слышал о ней. Знал даже бойцов-красногвардейцев... Здесь за Саранпаульский хлеб были жаркие бои с беляками. Амбары-то оставались полными...

— Пристань раньше называлась «Ляпино», — уточнил Евгений Николаевич. — Сейчас так тоже бывает, особенно в гражданской авиации: Тюмень — Рождино, Свердловск — Кольцово, Новосибирск — Толмачево...

— Еще один вопрос... Мне все время кажется, что мы где-то встречались и не один раз. Где? Не напомним?

Евгений Николаевич хитро улыбнулся и спросил:

— Если по большому секрету скажу — не выдадите?.. Два пожилых человека, узнав, что вы приехали в Саранпауль, строго-настрого наказали мне доставить вас живым и невредимым... Я полагаю, у них с вами найдется много общих знакомых и тем для воспоминаний и разговоров... Ну, а наказ родителей — для меня закон.

— Стоп! Женька... Клотик?!

— Мать так называла меня, когда я был пацаном...

— Николай Михайлович! Мой первый учитель. А я ломаю голову, где я слышал этот голос... Да и внешне очень похожи.

— По голосам нас даже мама путает... Но почему — Клотик?

— От меня пошло. Была у меня в детстве любимая книжка «Егорка». Про медвежонка, попавшего к военным морякам. Мы — довоенные пацаны все хотели стать моряками и летчиками. Вот нахватался там морских терминов. А клотик — это вершинка на мачте... Во время войны голодно у нас было. Мария Васильевна, как и все женщины, работала. Тебе было года два. Жили мы в одном доме. Мне — четырнадцать. Вот и поручали водиться. Садил я тебя на плечи и тащил на

пекарню, к моей матери, через всю деревню. Там тебе всегда находилась горячая лепешка с молоком. Много ли надо ребенку... Накормлю и обратно везу... на верхотуре. Отсюда и «Клотик».

— Теперь и мне понятно... Обожаю горячий хлеб с молоком.

— А я только сейчас вспомнил, что Ляпина — это фамилия Марии Васильевны.

— Да. У меня фамилия матери... Они зарегистрировались после войны.

— Знаю, знаю. Николая Михайловича мы провожали на какие-то военные курсы в конце мая, а потом война, и он домой уже не приходил до августа сорок пятого...

Водитель с интересом слушал разговор старших, потом откинул сиденье и из потайного кармана извлек литровую фляжку в фетровом чехле.

— Чистейший! Аварийный запас. Такое событие никакая инструкция не запрещает отметить.

— Отметим, Миша. Но не сейчас, ты за рулем.

В глазах водителя запрыгали веселые чертики. Он из-под ладони осмотрелся вокруг, потом померял что-то линейкой на карте...

— Что ищешь?

— Ближайший пост ГАИ... Вот! По прямой семьсот три километра двести одиннадцать метров...

Под дружный хохот он двинул рычаг, и машина снова забухала по склону, выбранному Евгением Николаевичем...

Есть у газетчиков такая рубрика: «Письмо позвало в дорогу». Вот и Сергея Николаевича позвало письмо от школьного друга, знаменитого на Сосьве рыбака Прокопия Кириллова.

«Приезжай, — писал он, — посмотри, что делается с нашим Ляпином... Если так дело пойдет, мне с моей профессией здесь делать нечего. Наша рыба любит чистую воду, как человек после парилки свежую рубашку...»

Прокопий не называл виновников. Но если такой обстоятельный, сдержанный и скромный человек взялся за перо, значит есть тому веские причины.

В Саранпауле Сергей Николаевич убедился в правоте друга. Лягинская вода, прежде настолько прозрачная, что на глубине просматривался каждый камень, теперь смахивала на бульон грязно-молочного оттенка. Узнал и причину. На одну из боковых горных речек промысловый отряд затащил промывочную машину, а об отстойниках, где оседала бы вся эта муть, никто не побеспокоился. Не химическое производство. Обыкновенный ил, песок, известняк, гравий... Но рыба не пошла в Ляпин, нерестовые ямы с чистым песчаным и галечным дном затягивало слоем оседавшего в затишье омутов ила...

Люди работают, старательно делают свое дело, выполняют план, получают зарплату, коэффициент, премии, полевые, северные, и многим невдомек, что всех этих добавок вместе с добытым золотом не хватит, чтобы восполнить хотя бы десятую часть ущерба. А земля легко ранима, она иногда «кричит» от причиненной ей боли, но услышать этот крик дано не всем, не хватает простейшей экологической культуры.

В прошлом году мальчишки из «зеленого патруля» приволокли в редакцию корзину утиных яиц.

— Вот, посмотрите... Другие утята уже скоро летать будут, а эти даже не выклюнулись. Может, болезнь?

— Откуда это?

— Возле Ай-тора набрали.

— И много там таких?

— Ой, много! Мы только по ближнему краю прошли.

Причина «болезни» открылась скоро. В окрестностях Ай-тора дала приток нефти единственная скважина. Надежды на открытие месторождения не было, и обустроить одну скважину не стали. Но пока испытывали ее, судили — рядили, как быть с притоком, нефть попала в кормовое озеро. Утки на лапках и перышках затащили ее на свои кладки... и яйца задохнулись без доступа воздуха.

Для коренных сибиряков каждый такой случай — личная трагедия, потому что живет здесь нерушимый закон — сохранять и приумножать богатства родной земли. Никогда сибиряк не допустит пожара в тайге, не осквернит озеро или реку, которыми живет и кормится, не выстрелит в зверя в запретное время, не подымет его рука на самку лесного жителя, если нет на то чрезвычайных обстоятельств. Это традиция, живой нерв народа, которым воедино связывается прошлое, настоящее и будущее.

По своему опыту Сергей Николаевич знал, что любой портрет — человека, семьи, трудового коллектива или целого народа — точнее всего представляется по традициям. Они могут быть полезными или вредными, как многие пережитки, устойчивыми или изменяющимися в связи с переменой жизненных обстоятельств, но в них всегда отражается до мельчайших подробностей все содержание жизни. В оценках традиций надо быть предельно осторожным, чтобы, принимая или отвергая их, не повредить живую ткань истории, как хирургическим скальпелем, вложенным в неумелые, нечуткие руки.

Так тоже было. В период обостренной борьбы с шаманами, враждебно встретившими Советскую власть, неосторожно сняли охрану так называемых «святых мест», только на том основании, что главными их хранителями были родовые служители культа. Никто не обратил внимания, что это были заповедники, где запрещалась всякая промысловая или хозяйственная деятельность.

Старой власти, купцам и промышленникам не было дела до того, останется или не останется что-нибудь в тайге, как, впрочем, и сама тайга. Лишь бы исправно платились налоги, «царевы поминки», да чтобы каждый рубль, вложенный в дело, давал не меньше червонца прибыли. Но северяне интуитивно чувствовали потребность сохранять такие места, где воспроизводились бы без вмешательства человека и звери, и птицы, и другие дары природы.

Как-то попала в руки Сергея Николаевича небольшая книжица Василия Зуева, студента из состава сибирской экспедиции академика Палласа. Дотошный, наблюдательный и, безусловно, талантливый, он обратил внимание на то, что здесь было множество «святых мест». Они устанавливались по такому простому и надежному принципу: охотники находили участки, где пристаивалось много птицы и зверя, а шаман объявлял их святыми, «угодными духам», владельцам этих мест. Если через какое-то время обстановка менялась, находилось новое «святое» место по тому же признаку.

Часто размышлял Сергей Николаевич над этими фактами, сам знал десятки таких старых и относительно новых мест по Сосьве, Ляпину, Кемпашу и только сравнительно недавно понял, что эта ошибка произошла из-за неправильного толкования термина с языков угров. Одно и то же слово обозначает несколько понятий, и вместо «святой» надо было за основное толкование взять «запретный». Так ошибка, допущенная давным-давно, перекочевала в нашу науку и практику...

Многое вспомнилось, многое передумалось Сергеем Николаевичем в этой поездке. Грохот могучей машины постепенно притупился, стал привычным и не мешал сосредоточиться. В памяти оживали иные картины, иные звуки, теплой волной накатывающиеся откуда-то издалека.

Вторая жизнь вещей

В современной мебели, изготовленной с применением древесностружечных плит, нередко выходят из строя двери. Шурупы, которыми привернуты навесные петли, любят вылезать из своих гнезд, двери провисают, не закрываются плотно... Снимите двери с петель вместе с шурупами и высверлите в местах установки шурупов более широкие отверстия. Не забудьте при этом установить на сверло ограничительную шайбу, чтобы не повредить фанеровку на лицевой стороне. Затем в отверстия плотно вставляют древесные пробки на клею. После того как они высохнут, верните петли на прежнее место, наколов с помощью шила новые отверстия для шурупов.

Деревянные пробки для шурупов рассыхаются и выпадают из стены. Не торопитесь вырезать новую пробку. Плотнo набейте отверстие в стене капроном от старого чулка. Нагретым докрасна гвоздем подходящего диаметра выплавьте отверстие для шурупа. Расплавившийся капрон превратится в прочную пробку.

Рис. 1.

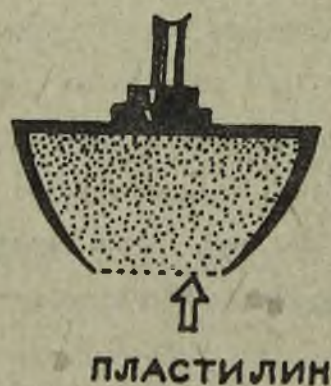

Рис. 2.

Рис. 3.

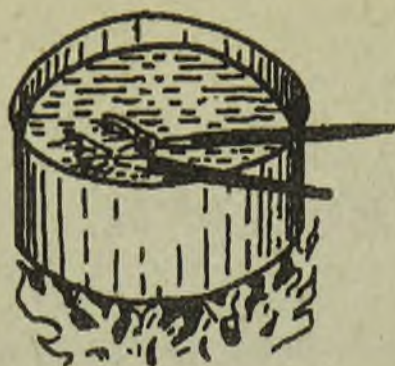

Рис. 4.

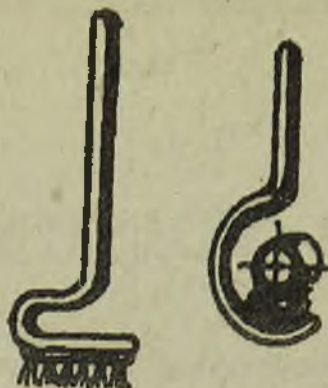

Рис.5.

Рис. 6.

Есть много различных способов устранить течь из смывного бачка. Один из них — заполнив полость клапана теплым пластилином, поставить клапан на место и легкими нажатиями придать ему форму, повторяющую форму отверстия. В воде пластилин быстро остынет и, затвердев, сохранит заданную конфигурацию.

Разболтавшаяся резиновая груша будет плотно прилегать к кромке сливного отверстия, если вставить внутрь нее шарик для настольного тенниса.

Прежде, чем выбросить кисть с безнадежно засохшей на ней краской, попробуйте прокипятить ее в воде со стиральным порошком в течение нескольких часов. А после этого разъедините щетину шилом, расчешите и промойте.

Старая зубная щетка, изогнутая над пламенем, превращается в удобный инструмент для покраски или покрытия лаком небольшой поверхности. Удобна щетка и для покраски труб, расположенных близко к стенам. Ручку в этом случае нужно согнуть по-другому.

Садовая лейка не будет ржаветь, если сливать остатки воды. Просверлите у верхнего края с тыльной стороны небольшое отверстие, и в лейке не останется ни капли влаги.

Владимир Назаров

Краски ноября

Краски сразу трех времен года отпустила природа ноябрю. В начале месяца — осенние, темные, в конце — земля уже одета зимней сверкающей серебряной шубой. А в середине ноября, бывает, грянет оттепель, зазвенит капель, потекут ручейки, на небе покажутся голубые мартовские разводья. Весна да и только. И пахнет по-весеннему свежо и молодо. Таков ноябрь.

У меня в дневнике осталась запись: «Мокрый, туманный день 6 ноября. В лесу выпавший снег почти растаял, в воздухе необычайная сырость и прохлада, пахнет, как в давно не топленной бане. Тихо, черно, спокойно и пусто, не шелохнется ни одна ветка. Жизнь почти ушла из лесу. Но, впрочем, так только кажется. Остановись, постой немножко — и услышишь грустный писк синицы, шуршание лесной мыши, стук дятла, стрекотание сорок. Над большим болотом, где вымахали в небо кедры и ели, раздается звонкий вороний переклик.

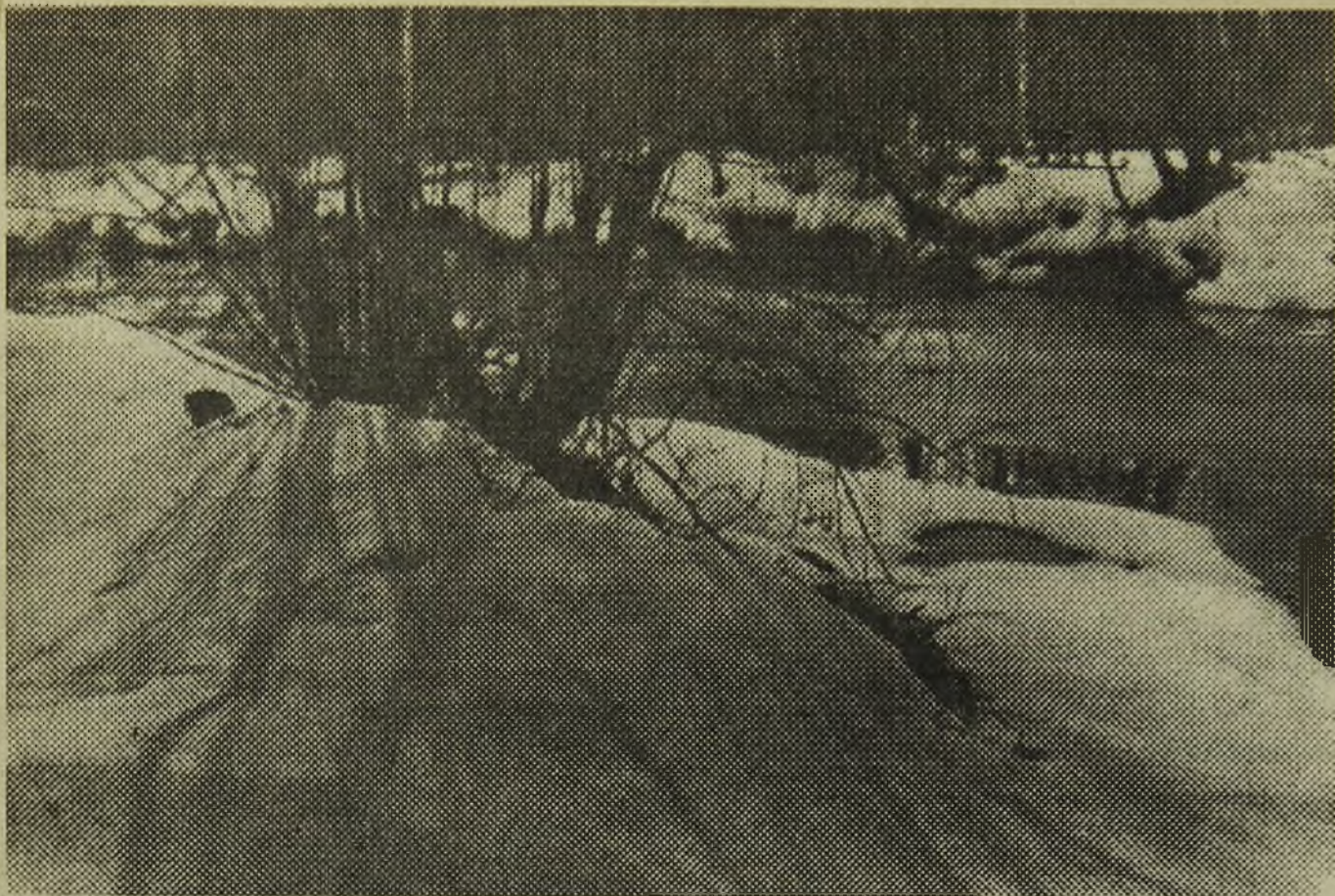
В той части болота, где много воды и проток, что-то шумно плеснуло. Тихо подкрадываюсь. Из небольшого озера, заросшего кустами ив и ольхи, виднеется смешная усатая мордочка. Охристо-рыжеватый зверек наполовину высунулся из воды и жадно дышит холодным влажным воздухом. Ондатра. Что-то почуяв, она ныряет вглубь. Внимательно смотрю по сторонам и вижу в глубине болота несколько конусообразных домиков. Ондатра строит их из остатков растений. Выход из жилища устраивает под водой. Зимой и летом питается молодыми стеблями, листьями, побегами и корневищами водных и болотных растений — тростника, рогоза, осоки, хвоща, камыша. Промысел ондатры начинается поздней осенью и заканчивается к весне.

...Хорошо пахнет в ноябрьскую пору земля, все эти листья, травы, мхи, лесные тропинки. Дышу — не надышусь. Всматриваюсь в каждый зеленый брусничный кустик, в каждую былинку. Ведь всего этого не увижу до самой весны...

Через несколько дней я снова уйду в лес, теперь уже в ноябрьский снегопад. Вот и зима. Тихо на дне лесного океана, белым-бело. Снежное царство. Кто-то невидимый ткет и ткет на небе белую пряжу, и она покрывает землю, уносит ее запах. Вот под снежной тяжестью склонились маленькие кустики. И в душу неожиданно приходит какое-то грустное умиротворение...

Догоняя солнце

Короткий зимний день угасал, солнце спряталось за стволами деревьев, выглядывая в просветы диковинным красным «глазом». Разукрашенный зарей огромный купол на небе был пуст и торжественно-безмолвен, на него к вечеру набежали тучки, малиновые, сиреневые, розовые. Свет заходящего солнца еще наполнял небеса, а к подножиям сосен и елей уже упали сумрачные тени.

Вскоре я взобрался на вершину высокого холма. Здесь было посветлей и попросторнее, но пугливая морозная тишина, объявшая этот заснеженный, глубоко заснувший мир, навела на сердце какую-то неясную тоску. Молчаливые, укутанные белой шубой песа полого сбегали вниз и расстиались до горизонта. Ни стука, ни шороха, ни писка...

«Кр-л! Кр-л!» — вдруг заунывно и печально пронеслось издали. Звуки надвигались, и вот из-за стены леса на фоне угасающего неба показалась большая черная птица. Она летела быстро, часто взмахивая сильными крыльями и роняя на землю какие-то застывшие, остекленевшие звуки.

«Ворон, — узнал я птицу, — куда же он торопится?»

Ворон миновал меня и без усталости продолжал путь на запад, вслед солнцу, что уже багровым диском зацепилось за зубцы далекой синеватой лесной гряды.

«Кр-л!» — снова донесся до меня звук. И все смолкло. Круг солнца быстро опустился за зубчатую гряду, на небо высыпали бледные колючие звезды.

Я возвращался с лыжной прогулки и все думал о пролетевшем вороне. Живут его сородичи, как и обычные серые вороны, в лесу. Только гораздо дальше от человеческого жилья. Строят из толстых веток гнездо на развилке высокой и старой сосны, устлая его рыжей свалявшейся шерстью. В апреле выводят птенцов и все лето кочуют по лесным вырубкам, просекам и речным долинам в поисках пищи.

Но до этого что стоит пережить птицам! В смертельные морозы и бесконечные январские ночи как умудряются они выжить?

Мы, люди, не любим, не можем долго жить в темноте. А не овладевает ли птицами ужас, когда солнце, наскоро посветив, снова скрывается за горизонтом? Не летят ли они за ним, безнадежно пытаясь догнать? Летят, летят, а солнца уже нет. И как пронзительно-заунывно вороны оглашают лес печальными криками. На завтра, с восходом светила, птицы начинают полет на восток, в обратную сторону. А оно уходит, уходит, клонится к западу и пропадает. И так весь январь.

Написал все это я и подумал: «Уж не похоже ли на сказку?» Но обратился мыслями в тот зимний неуютный лес, вспомнил крик ворона, его полет вслед угасающему солнцу и сказал себе:

«Нет, наверное, все-таки ворон чувствует, что солнце — это жизнь. И, как все живые существа, ждет, когда день вернется на землю. Это, вероятно, придает ему силы.»

Фото автора.

На фоне больших кораблей

Я передал Филатычу бразды, и мы опять остались вдвоем. Филатыч рвался в Октябрьское, но я убедил его двигаться дальше, на Север: там интересней, а командировки мы сможем отметить и в Шеркалах. Так и порешили.

По-видимому, на «белую» зависть сергинских деятелей «Эпрона» мы поставили паруса и величественно проследовали сначала вдоль изувеченных паводком газово-трубчатых пирсов, затем по засаленной судовой протоке и, наконец, по тугой струе Оби.

Вечер и неодолимая сонливость загнали нас в устье реки Ламской. Здесь мы и стали на якорь. Каждая мало-мальски уважающая себя речушка, впадающая в Обь, считает делом чести иметь собственный и суверенный «микросор». По моему глубокому убеждению, подобный «микросор» является своего рода «буферным соединением» между рекой и основной обской магистралью: сор перехватывает и аккумулирует сток речушки, сор стабилизирует и предохраняет ее русло от капризов стока Оби... Сор совершает еще множество полезностей, а в данном случае он просто приютил на ночь наш усталый корабль. Благодарностью переполняется сердце морехода, когда он находит уютную и укромную бухту.

Но этой бухте мы вознамерились отплатить самой черной неблагодарностью: заброшенный поселок лесозаготовителей на мысу над ней, сравнительно легкая доступность ее со стороны любых транспортных коммуникаций и достаточная обозримость всех проявлений жизнедеятельности экосистемы ее водосборного бассейна — все это есть реальные и соблазнительные предпосылки для организации здесь одного из наших стационаров на Нижней Оби. Разбойничий налет с гиканьем и свистом хорош, спору нет, и кое-кто из нас неплохо владеет этой методой, но нужны и планомерные, комплексные и стационарные исследования на определенных ключевых участках...

Из Ламской бойко ушли парусами и быстро добежали до Шеркалов. Там еще на подходе заметили на берегу оживление. Оказывается, двое знакомых тагильских ребят издали опознали наш корабль. Пристали к берегу, взяли на борт нагруженных хлебом парней и пошли к их стоянке за Шеркалами. Теплая встреча с остальными членами тагильской бригады, обед в их не без комфорта оборудованном лагере.

Такие стоянки на таежном берегу Оби встречаются очень часто. Отпускники или пенсионеры приезжают сюда по 4 — 5 человек: рыбачат, охотятся, заготавливают клюкву, бруснику, грибы и кедровый орех. Их легко понять: в крови большинства людей прочно сидит инстинкт землепроходца и добытчика. Важно, чтобы они на природе вели себя осторожно, благородно и грамотно.

В Шеркалах мы заночевали, повидались с лесничим и с его помощником. От последнего получили в дар связку чебаков необыкновеннейшей жирности (осенних). Дальше нам захотелось пройти по моему прошлогоднему маршруту по протокам в сторону озера Унтор. Такие повторные посещения одних и тех же мест чрезвычайно поучительны: именно в них ощущаешь огромную динамичность ландшафта. Обыкновенные фотографии одного и того же пейзажа с одной и той же точки, но сделанные в разное время, дают немало «информации для размышления». Мало кто знает, что одной из самых выдающихся разведывательных операций времен второй мировой войны была очень простая и неотразимая процедура, организованная английской стратегической разведкой. При подготовке операций второго фронта военные скоро убедились, что плохо знают обстановку на западном побережье европейского континента. Тогда по радио и через газеты обратились к нации: требовались всевозможные любительские фотографии, открытки и туристические проспекты, где были бы отражены какие-либо детали характеристики атлантического побережья Европы. В течение нескольких дней от населения таким образом были получены миллионы соответствующих документов. А потом за дело взялись опытные специалисты — дешифровщики и картографы... Все происходило открыто, но парировать этот ход не было никакой возможности... Аналогичным способом и «малой кровью» в экологии можно выявить множество удивительных вещей.

Побывали в избушке, где я базировался в прошлом году две недели. Унылое в сущности место! А ведь было мне здесь неплохо: совершал короткие походы по округе, стрелял уток на мелких озерах и вылавливал щук из проток примитивнейшей снастью, налегке уходил в леса и болота низкого левобережья Оби, по вечерам писал при свече, слушал транзистор и засыпал под гомон гусиных табунов.

Вода в протоках быстро спадала, и нам нужно было уходить отсюда обратно в Обь. При малой воде и штиле особенно заметно обилие в здешних водах фито-и зоопланктона. Филатыч интенсивно собирает гербарий: он все более решительно настроен заняться генетикой диких луговых трав.

Ночью, уже на Оби, нас все-таки сорвало течением и ветром с якоря, так что ненастным утром мы обнаружили себя дрейфующими посреди огромного плеса. Бдительность потеряли, капитан! Основная ошибка состояла в том, что мы бросили якорь на каменистом грунте. В районе Перегребного берега и русло реки сильно загажены металлом и бетоном, а в самом Перегребном в воскресенье оказалось невозможным даже спичек купить, не говоря уж о хлебе и куреве... В ярости ушли из этого проклятого места в Малую Обь. Отовсюду доносится беспорядочная браконьерская пальба. Наши ружья еще лежат разобранные в чехлах, хотя у нас и имеется специальное разрешение на отстрел птицы. А здесь хозяйничают временщики.

К вечеру в Малой Оби встречный ветер с дождем набрали внушительную силу. Катера и лодки куда-то подевались, но мы упрямо идем вперед парусами и короткими галсами. В низовьях Оби еще не то будет! Хуже всего, что у нас кончилось «фабричное» курево, остается довольствоваться аварийным запасом махорки, но на дожде и ветру, да еще озябшими пальцами не очень-то скрутишь сигарку. Слышу, ох, слышу голоса благочестивых некурящих: «Бросать надо эту вредную привычку!». Только старый шкипер спрячет в бороду лукавую усмешку:

...У каждого из нас на совести, мой братец,
Лежит немало всяческих злодейств...

Почти затемно подошли к прямой, как труба, протоке. Бросили якорь на стрелке у красного буя. Но рвет нас ветер с места. Пришлось уйти к другому берегу протоки под защиту песчаной косы. На Оби (Большой и Малой) творится, по-видимому, что-то невообразимое. Судно не видно ни сверху, ни снизу. И наша случайная стоянка очень ненадежна. Ветер, течение и волны играют яхтой, как пробкой. И в берег стать нельзя: там нас разобьет...

Более двадцати часов пролежали мы в рубке, поминутно выскакивая наружу, чтобы полюбоваться на все это безобразие. Какой уж тут сон, когда в борт бьет таран и кто-то наигрывает на снастях дикие мелодии шторма... Но всему, и хорошему, и плохому, рано или поздно приходит конец. Этому учит нас диалектика...

Филатыч сует мне под нос морскую таблицу силы ветра и волнения. Но для рек-то эти сказочки не годятся! Здесь существует множество дополнительных обстоятельств: ширина, глубина и извилистость реки, характер русла и берегов, скорость и сила течения, предметы, которые несет река, и т.д. и т.п. То, что на море — свежий ветерок, на реке может наделать немало бед... Вон и сейчас на берегу деревья ломает или выворачивает с корнем, только стукоток стоит!

Наконец буря начала вроде бы утихать, снизу появились первые суда... Решили и мы уходить, а дело уже к вечеру. Одним стакселем рево ушли к противоположному берегу Оби. Там поставили грот и при встречном ветре пошли в лавировку. У правого берега, на ветру, бьется крутой и тугой вал. На одном из галсов именно у правого берега не смогли перевалить за линию ветра. В последний момент нас сбивает ударами вала в левую скулу яхты. Делаем новую попытку сменить галс, но скорость уже потеряли, и нас отбрасывает вправо. На третьей попытке с оглушительным треском попадает грот вдоль нижней шкаторины. Порвало парус! Ветер раздирает его на всю ширину. В это же мгновение лохмотьями грота с крыши рубки смахивает за борт наш флаг-отмашку. А рядом уже приглубый берег, оцетинившийся завалом леса. Шкоты давно сорваны со стопоров, т.е. паруса свободно полощутся, но нас наваливает и вот-вот зашвырнет в завал...

Со второй попытки удастся запустить мотор, и мы уходим против ветра и волны с этого бойкого места. Ведь эпизод занял несколько десятков секунд, но сколько он натворил: грот изувечен, отмашка уплыла, в кокпите полно воды, в рубке разгром, и наши поджилки звенят от напряжения. А в сущности, именно в такие моменты и живешь полноценной жизнью, черпаешь ее горстями, упиваясь победой над враждебными обстоятельствами. Память о таких мгновениях западает куда-то в подсознание и дремлет там годами, но в черные минуты слабости и упадка духа она дает о себе знать могучим призывом к действию.

В поселке Нижние Нарыкары мы запаслись провиантом, выманили у простодушного капитана обстановочного катера запасную отмашку и ушли чиниться в глухую протоку. Филатыч в лицах передал утренний разговор женщин у магазина.

— Мой-то вчера вечером заявляется с реки... Мокрущий! Грязнущий!! Да еще четверых таких же за собой ведет. Искупались, говорит, а то я не вижу! Вон какие страсти на реке-то творились...

Назавтра вышли опять в Малую Обь и поставили паруса. На траверзе брошенного поселка Елма-Шапка занесло нас ветром и течением в очень цепкую протоку. Пока барахтались в ней, узнали с проходящего встречного теплохода, что впереди нас, примерно в 50 километрах, по

Малой Оби следует ДРУГАЯ ЯХТА! Буря эмоций. Мы чуть не попадали за борт. Наши ощущения можно было сравнить лишь с ужасом бедного Робинзона Крузо, когда он увидел на девственном песке своего острова отпечаток чужой ступни... Наши кровные лавры теперь будет пожинать кто-то другой! А как было бы интересно встретиться двум экипажам и сообща помечтать об ярком будущем парусного флота.. А какую гонку можно было учинить!!

Почти машинально, парусами и на последних тактах мотора, нехстати оказавшегося без горючего, выбились из злополучной протоки на основной фарватер, залегли в дрейф и заправили расходный бачок бензином. Догонять чужую яхту нет смысла. Ищи ветра в поле! Да у нас и разные задачи! Но досадно чертовски...

В очередной неходовой протоке Фипатыч в сердцах уходил пару уток. Ее здесь прорва. Здесь и стаи на ночлег. Следующий день ознаменовался нудным дождем, и мы не захотели уходить с уютной стоянки. Открыл и я охотничий сезон. Сена в этом году в пойме Оби ставится очень много: на каждом шагу встречаются шумные поселения заготовителей корма.

По комфортабельной Неремовской протоке решили уйти в Северную Сосьву. Водораздел между Обью и Сосьвой совершенно неожиданно оказался весьма заметным. Вода в Северной Сосьве по сравнению с Обью чистейшая: чувствуется близость уральских притоков реки. В любой точке горизонта видны стаи уток. Деревня Шайтанка очень живописна со стороны реки, населена она преимущественно хантами. Судов здесь мало, и наше появление производит должное впечатление. Увы, пресловутая «чужая яхта» поубавила у нас спеси. Так и смотрим, не покажется ли где белый парус...

Из Шайтанки поднялись дальше вверх по Сосьве. Выше Игрима она вообще будет очень даже девственной по нынешним понятиям рекой, но нам туда не надо. Долго петляли по обмелевшим левым протокам Сосьвы, но так и не сумели пробиться к близкому уже таежному матерiku. На ночь стали в небольшом затравяневшем сору. На сон грядущий наблюдали полную и двойную /!/ радугу на востоке. Весьма впечатляли и аспидно- черные тучи на светло-голубом фоне в западной части горизонта. И на наши грешные души опустилась неземная благодать... А утром оказалось, что вода в сору за ночь упала на 15 см., и нам в порядке физзарядки пришлось с полчаса выпрастывать яхту из цепкой грязи. Потом нас с утиногo рациона потянуло обклеивать стеклотканью и эпоксидной смолой стык между рубкой и папубой, поскольку через него при дожде в рубку протекает вода. Закончили работу, и надо удирать, а то в этих протоках обсохнем насухо.

Парусами вернулись в Шайтанку. Увы, сухой закон здесь настолько сух, что в магазине нет даже сахара. Не помогли даже апелляции к славным традициям императорского королевского военно-морского флота, не помогло наше ослепительное мужское обаяние..., а кругом такие восхитительно пьяные рожи. С проклятиями вздернули паруса и полетели прочь из этого святого и грешного места.

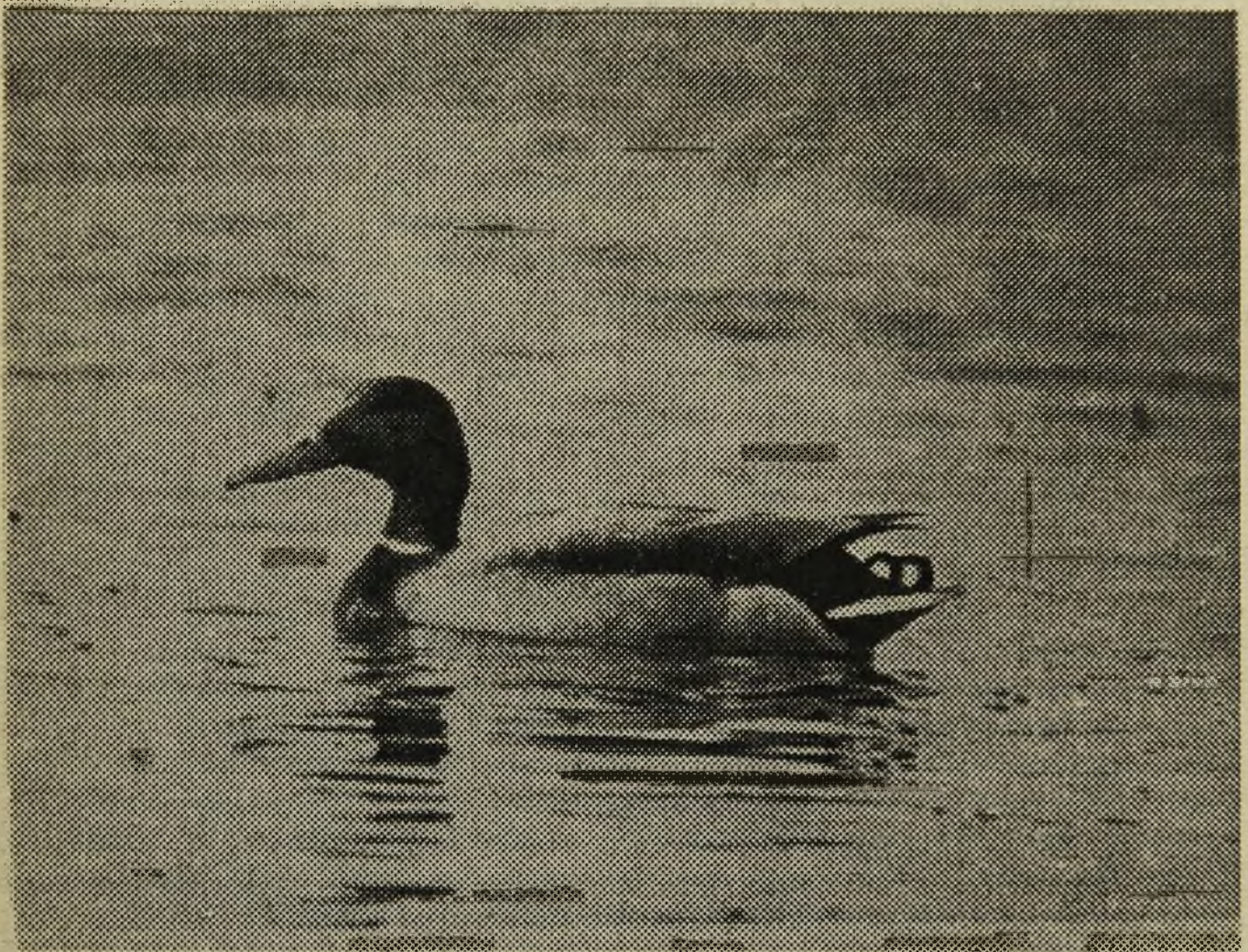
Громадное неудобство нашего нынешнего тандема состоит в том, что в дальний пеший заход приходится отправляться одному, второй должен оберегать судно от угона, разграбления и прочих неожиданностей. Как тут не вспомнить свой заветный рюкзачок и беспредельную свободу действий под его универсальным грузом. Ничего! В Березово наш экипаж пополнится, но хуже нет, чем ждать да догонять.

Как было сказано, водоплавающей птицы здесь очень много, и мы мигом израсходовали наш охотничий азарт. Все здешние слабопроточные водоемы представляют собой гигантские естественные птицефермы, так что боязно даже и воды зачерпнуть из протоки: сплошной аммиак. При резком спаде воды это все хорошо заметно...

(Окончание следует)

КРЯКВА

Ю. Гордеев

С того дня, как я увидел добытых отцом на первой весенней охоте чирков и крякву, прошло полмесяца. За это время чирков несколько раз встречал на лужицах и болотцах, что разливались прямо у окраинных домов Березова, возле леса, крякву же не видел нигде. Не видел и в следующие весны, пока в 1948 году наша семья не вернулась в Ханты-Мансийск. Здесь в первые июньские дни, выйдя на Самаровский сор, я увидел, наконец, этих уток.

В те годы по берегу сора в сторону Крутого лога тянулись рощи ивняка, и кряквы несколько раз встретились мне. Заметив из-за деревьев человека, они выплывали на чистое место и, покачиваясь на волнах, ждали, пока он не проходил мимо. Проводив его настороженным взглядом, возвращались. Одни вылезали на песок, другие — на корни и принимались чистить оперение. Мне вначале показалось странным такое обилие кряквы, но потом я понял, что чем дальше на север, тем их меньше, потому что в среднетаежной зоне для них более благоприятные кормовые и погодные условия.

Весной кряквы, как и все речные утки, с места зимовки устремляются на север, однако, в отличие от других, делают это раньше. За десять лет моих наблюдений в окрестностях г. Ханты-Мансийска выяснилось, что первые пары — разведчики появляются в среднем 20 апреля, а в раннюю и теплую весну 1967 года они прилетели даже 14 апреля.

В раннюю пору прилета уток еще много снега по пойменным лугам, а в лесу он лежит сплошным слоем, однако это не отпугивает птиц. Они довольны тем, что в низинах скопились талые снежные воды, образовав неглубокие озера — лайды.

Опустившись на озеро, утки какое-то время осматриваются, потом успокаиваются, и самец — селезень начинает токовать. Проплывая около самочки то слева, то справа, он демонстрирует ей свои бока. А то примется опускать голову в воду, брызгать на себя крыльями, как будто обмываясь после дальней дороги. Наконец, расправя крыло, показывает зеркальце и проводит по крепким маховым перьям клювом, издавая особо нежные звуки. Покоренная достоинствами такого удалыца самочка соглашается вступить с ним в брак и покачивает головкой. Утки спариваются, и в мае появляются первые гнезда.

В выборе места для гнезд кряквы неприхотливы, и они строят их как в открытых лугах поймы Иртыша или Оби, так и в лесах, порой далеко от воды. Но самое интересное, что иногда они устраивают их на деревьях. Для этого используют старые гнезда своих постоянных врагов — серых ворон или сорок. Такие гнезда на деревьях мне удалось находить несколько раз в окрестностях Ханты-Мансийска. Как считает орнитологическая наука, утята, родившиеся в таких гнездах, в дальнейшем сами стараются размещать их на деревьях.

После прилета и занятия гнездовых угодий жизнь крякв течет монотонно. Большую часть суток птицы кормятся, при этом, в отличие от других уток, часто выходят на берег, а если рядом пашни, то обязательно прилетают на них вечерами и ходят, переваливаясь с боку на бок, собирая дождевых червей, слизней и пощипывая молодую зелень.

Весной самцы, оставшиеся в одиночестве после потери самок, принимаются за поиск новых, при этом используют голос. Однако голос у селезней кряквы гораздо тише, чем у чирка-свистунка и особенно связы, поэтому он чаще подает его на лету, чем на воде. Облетая вечерами или ночью озера и заливы, он подает сигнал, звучащий примерно как «жвяк». Этот призывающий голос у наблюдательных охотников — ханты стал основой для видового названия кряквы как «шош» (у манси — «сос»).

Отыскав ночью подружку по голосу, днем самец демонстрирует красоту своего оперения. В весенней раскраске селезень действительно есть чем полюбоваться: голова с желтым клювом зеленая, с переливами, на шее белое колечко, грудь коричневая, «зеркальце» фиолетовое, блестящее, отороченное спереди белым и черным. Но самое главное в брачном украшении — это «кудри» — черные закрученные назад перья на середине хвоста. Такого украшения нет ни у какой другой нашей утки, и жаль, что, как только начинается линька, кудри первыми выпадают и селезни теряют свой бравый вид.

На места линьки селезни собираются раньше других уток, и когда первые выщипанные перья поплывут по воде, их скрытые сборища легко найдут ласточки-береговушки. Они в эту пору торопятся построить гнезда-норки и выстлать их пухом.

Теплый нежный пух крякв идет не только для утепления чужих гнезд, но и своих. К откладке яиц кряквы приступают, когда еще земля не прогрелась, да и возвраты холодов часты, поэтому они рано начинают выщипывать нежный пух из груди, раскладывая его по краям гнезда.

В конце июня в гнездах происходит выпупление утят. Если гнездо расположено на земле, то утята-пуховички, подсохнув несколько часов, по зову матери дружно покидают его, чтобы больше уже никогда в него не вернуться. По-другому происходит начало самостоятельной жизни, если гнездо расположено на дереве. Тут возникает опасное препятствие, мешающее утятам следовать за матерью: надо вначале прыгнуть

на землю. Как только обсохнет пух, утка слетает с гнезда и начинает кружить вокруг дерева. Утята, услышав призывающий голос, смело выходят на край гнезда и один за другим прыгают, порой с десятиметровой высоты. Бывает, что они по нескольку раз ударяются об ветки, пока долетят до земли, где их ждет утка-мать, знающая, в какую сторону идти. И хотя она покрупнее чирка-свистунка, ее утят поджидают те же опасные враги: сороки, вороны, чайки, коршуны, а около населенных пунктов — собаки и кошки.

Семейство идет молча, хотя утята часто запинаются, падают. Но если один из них потеряется из виду, он сразу поднимает писк, и мать тут же отвечает тихим побрякиванием. Увидев врагов, утка особым звуковым сигналом «приказывает» затаиться, а сама начинает изображать раненую, ползая по земле или совершая низкие круги, — отвлекает на себя внимание. Когда семья добирается до воды, утята дружно бросаются в родную стихию и принимаются за еду.

Первые самостоятельные шаги утят обычно самые опасные. До 40% их гибнет. И хотя кряквы откладывают от 8 до 11 яиц, значительного обилия их не наблюдается.

Во второй половине июля птенцы кряквы начинают первые суточные кормовые перелеты. Они, как и другие утки, собираются в табунки на озерах, где проводят большую часть суток. В середине августа старые самцы, получившие новое оперение, начинают отлет. К их стайкам присоединяются и молодые, однако большая часть их улетаёт позже — в конце сентября и даже начале октября.

Таким образом, кряква наибольшую часть жизни проводит на родине.

На снимках: самец (селезень) кряквы весной с «кудрями» на хвосте; самцы кряквы весной.

Фото автора.

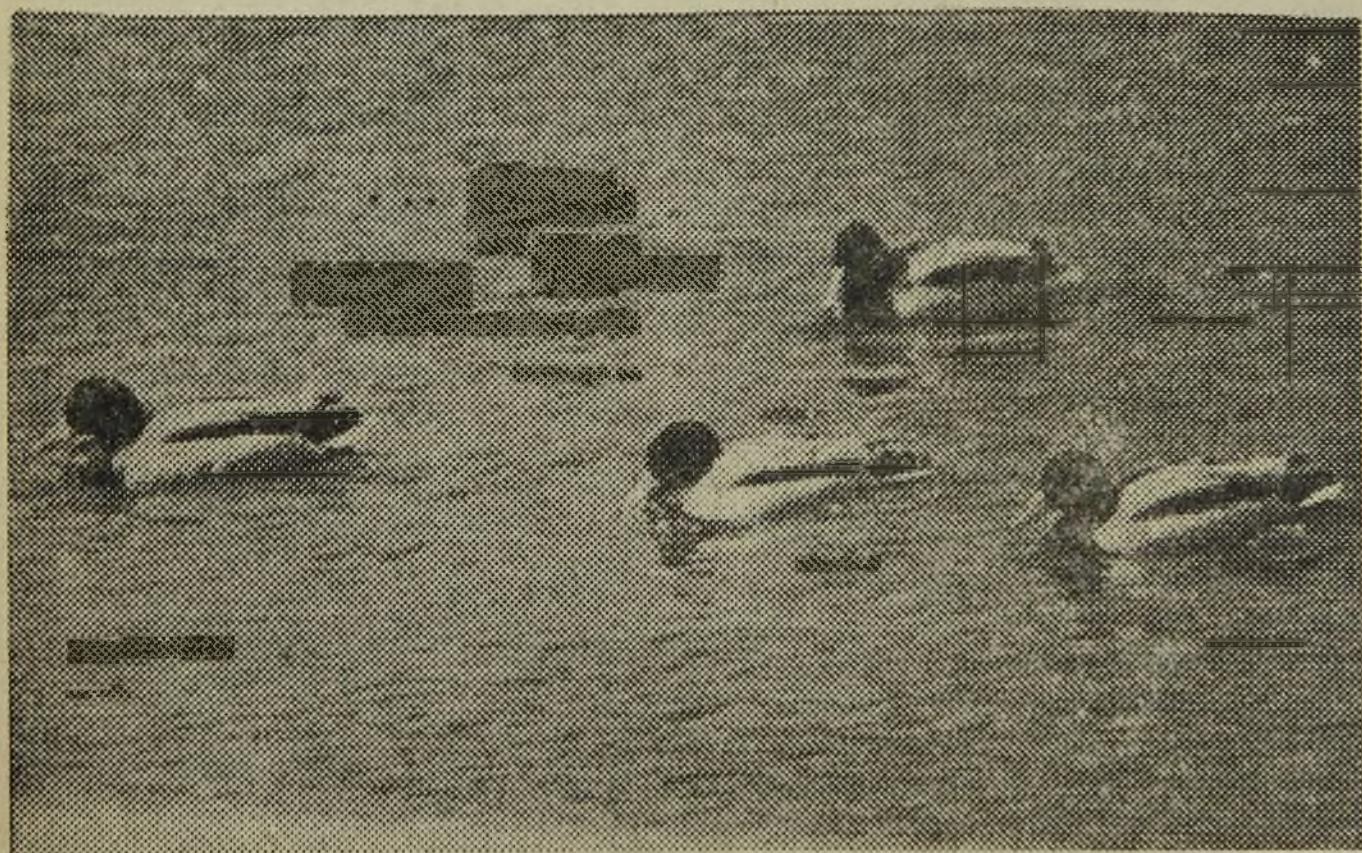

Фото Анатолия Пашука.

Внимание наших читателей!

Редакция предлагает всем интересующимся краеведческой литературой следующие книги серии «Библиотечка журнала «Югра»:

Носилов К.Д. У вогулов. В книгу вошли два очерка из девяти, созданных известным сибирским писателем и путешественником и опубликованных издательством А.С. Суворина в 1904 году.

Абрамов Н.А. Описание Березовского края. Работа, напечатанная в 1857 г. в «Записках Императорского Русского Географического Общества» и до настоящего времени не переиздававшаяся, содержит разнообразные сведения о населении, экономике, природе Среднего и Нижнего Приобья.

«Священник-хлебороб И.Я. Тверитин». В книге впервые публикуются отдельным изданием отчеты священника с Юганское о проведенных им во второй половине XIX века опытах выращивания зерновых культур в северных условиях.

Книги можно приобрести в редакции или заказать по почте наложенным платежом. Наш адрес: 626200 Ханты-Мансийск, ул. Мира, 5. Цена одного экземпляра от 200 до 400 р.

Серия будет иметь продолжение.

Индекс 78716